

АРИНА РОЗ

РАЗВОД
ДРАКОНА

Арина Роз

Развод дракона

<https://litres.ru/73580997>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мой братец-идиот проиграл свою жизнь в карты. И теперь, чтобы спасти его задницу, мне придется лезть в пекло.

Я задумала обокрасть самого влиятельного в нашем королевстве дракона — Роберта из Лариджа. Вряд ли он обрадуется этому... Но если я попадусь – брата убьют на войне, а меня казнят.

Хватит ли мне дерзости повернуть это дело – развести дракона?

Содержание

Глава 1. Трусливая утка	5
Глава 2. Тяжелые деньги	15
Глава 3. Воровской круг	20
Глава 4. У стен Алгарда	25
Глава 5. Ярмарка чудес	29
Глава 6. Бегство из деревни	34
Глава 7. Подготовка новой аферы	40
Глава 8. Причины	44
Глава 9. На крючке	49
Глава 10. Предзнаменование	55
Глава 11. Страх и суеверия	61
Глава 12. За кулисами	66
Глава 13. Притон	72
Глава 14. Шалость удалась	75
Глава 15. В столицу	81
Глава 16. Взгляд в прошлое	85
Глава 17. У кузнеца	90
Глава 18. Раскол	93
Глава 19. Самодеятельность Тайлера	99
Глава 20. Только на тебя надежда, Алекс	104
Глава 21. Триста золотых	109
Глава 22. После аферы	114
Глава 23. История проклятия	118

Глава 24. Разоблачение	122
Глава 25. Разведка	127
Глава 26. Под замком	132
Глава 27. Когти Кулвиратта	136
Глава 28. Тень прошлого	142
Глава 29. Уроки доверия	146
Глава 30. Секреты кузнеца	151
Глава 31. Игра в прятки	156
Глава 32. На виду	162
Глава 33. Попалась!	166
Глава 34. Допрос	170
Глава 35. Назад дороги нет	176
Гл	181
Конец ознакомительного фрагмента.	182

Развод дракона

Глава 1. Трусливая утка

Тихий и мирный Мидшор ничем не отличался от сотен и тысяч других городков благодатного Бракеганда. Те же небольшие, аккуратные, хоть и небогатые домики, чьи обитатели закрывали ставни, стоило солнцу склониться к закату. Те же улицы, на которые выплескивали помои прямо из окон, стертая колесами и копытами брусчатка, которую укладывали еще пращурь. Тот же рынок, где на лоток свежих овощей приходилось два-три с лежалыми, и с тех, кто ленился торговаться, драли втридорога. Правда, совсем уж сонным Мидшор не был. Рядом проходил Королевский тракт, а значит, в предместье были кабаки и таверны, где любой путешественник мог поесть, выпить и остановиться на ночлег, если его не смущала прелая солома в матрасах и холодная вода для умывания.

И уж, конечно, в питейных заведениях находилось место не только проезжим, но и местным гулякам, которые подтягивались к вечеру с неизбежностью смены дня и ночи. Дик по прозвищу Гусак, хозяин «Трусливой утки», во все не утруждаясь, мог перечислить, кто за кем появится за его старательно выскобленными столами, которые украшали оплывшие огарки, прилепленные по три-четыре штуки в се-

редине столешниц.

Вот скрипнет тяжелая дверь, потемневшая снаружи от дождей, а по косяку еще и лоснившаяся от сотен перепачканных в жиру рук, и в сумерках первыми заявятся трое братьев — сыновья кузнеца Борна, спьяну проломившего в драке головы двух королевских гвардейцев и отправленного на ка-торгу, Толстый Том, Джим и Гас. Они возьмут по паре громадных кружек крепкого до одури эля, засядут в углу и будут цедить его, то переругиваясь, то примирительно грохая ими об стол. Упиться не упьются и уберутся после заката. Спрос на подковы верный, работы у большой дороги им всегда много.

За ними скоро подтянутся местные пьянчуги, которые не берут ничего, кроме дешевого кислого вина. Где они собирают ежедневно медяки — Дик не знал, да и знать не хотел. Приносят ему — и ладно. Эти будут крошить в голодные пасти корки хлеба, за которые и деньгу-то брать совестно. Его старуха, молчаливая Марта — вся уже седая, с глазами цвета палой коричневой листвы — подбросит им пару сухих ломтей, собирая пустую посуду со столов.

А вот после заката непременно соберутся игроки, большая компания, сколько их всего, Дик и не знал. Пять, семь, десять? Лица он будто узнавал, а будто они каждый раз становились другими, а быть может, и люди другие приходили, а ему примелькались двое-трое? Впрочем, и это было не особенно важно. Поначалу тихие, они распалялись по мере

поглощения горького черного пива и повышения ставок. Но самый смак начинался, когда в «Трусливую утку» заносило заезжего, готового поставить монеты на кон. Вот тут все свары стихали, добыча была одна на всех и все были заодно. Вытряхнуть чужие карманы всегда важнее, чем свести какие-то замшелые старые счета.

И само собой, жертвой становились путники. Они были разными, бедными и при деньгах, оборванцами и одетыми в добротное сукно, а то и плащ на меху по зиме, но всегда усталыми, голодными и хмурыми поначалу. Кто-то, наевшись и согревшись, разморено полз в комнатки наверху, которые Гусак сдавал не сказать, чтобы и дорого. А кто-то включался в игру или затевал ссору, искал себе девицу или далеко за полночь пил самое дорогое крепкое вино, которое Дик закупал у торговцев, по осени проезжавших через Мидшор в столицу. Но и не в торговую пору иной раз в «Трусливой утке» собиралось народу порядком.

Вот и сегодня пришли сначала кузнецовы дылды, потом забежала парочка мужей строгих жен, вырвавшихся украдкой за запретным, подтянулись нищebroды, а за ними и игроки. Один из путников, напившись пива, мирно спал в самом углу, воняя кислой шерстью черных овец — такое ни с чем не спутать. Шестеро мужиков степенно ужинали, усевшись за два сдвинутых стола почти в середине таверны. Еще трое о чем-то спорили, пристроившись за лучший столик, у очага, чадившего рядом со стойкой. В дальнем углу, сидя на

колченогом табурете рядом со сдающим карты, весело смеялась Рябая Бет — о, конечно, всех местных распутниц, которых все кумушки клеймили последними словами Дик тоже знал. А потому был здорово удивлен, увидев еще двоих приезжих, вошедших в «Трусливую утку» с яркой девицей в доброй чистой одеже, красоткой с ясными болотно-зелеными глазами и длинными кудрями цвета темного меда, рассыпанными по плечам.

— Это что за молодуха? — Он по привычке пробормотал это себе под нос, натирая очередную кружку длинным полотенцем и выставляя к остальным в ряд перед собой. — Не видал тебя раньше...

— Эй, папаша, нам вина! Ведь вина, правда, милая?

Рослый и лохматый парень, похожий на моряка — откуда бы ему здесь взяться? — заискивающе почти наклонился к девушке, ловко усевшейся на скамью. Его спутник, тощий и мрачноватый, смахивающий на лесного бродягу, уселся на колченогий табурет почти напротив, глядя красавице в лицо.

— Марта! — Гусак еле заметно скривил губы, немногие решались с ним так вот, запанибрата, не любил он этого. — Поди к гостям, обслужи, живо!

Его жена, с возрастом набравшая дородности, но не утратившая ловкости и сноровки, тут же отправилась к тем трем, что и ее удивили. Правда, Марта свои мысли всегда держала при себе.

— Чего изволите, дорогие гости? — Она подобрала засти-

ранный фартук, повязанный по поясу, и вытерла руки, глядя с улыбкой.

— Нам похлебку с курятиной, есть такая?

— Как не быть, добрый сеньор!

— Ну вот...

Лохматый оскалился в улыбке, собираясь продолжить, но девушка вдруг перебила его, глядя на Марту возбужденно и выжидающе:

— А вино подогрейте и пряности добавьте, милая!

— Есть в вашей дыре пряности? — лохматый снова вступил в беседу и бросил на стол несколько монет.

— Ох, добрый сеньор, это я у мужа сейчас спрошу, он у нас про вино все-все знает...

— И принеси сразу, слышь!

Тощий бросил это уже Марте в спину, когда та семенила к стойке, смахнув в ладонь деньги.

— Экие нетерпеливые... — Дик, сопя, вытащил из-за ворота ключ и сунул жене в руку. — Возьми вишневого, из Кресау.

Гневить эдаких гостей было бы глупо: платили щедро. Да и повеселиться собирались, видать, от души. Что ж все-таки за девица с ними, совсем Гусаку не знакомая? Она вертелась между двумя мужиками, смеялась, поданное вино отпивала жадно, долгими глотками, но вот к парням не лезла и за угощение благодарить как и не собиралась. Странная девка...

Только путникам было все равно, они глаз не отрывали от

ее нежной кожи, поблескивающих задорными искрами глаз, от выреза платья, до странности невинно прикрытом косынкой. Дик и сам бы засмотрелся, было на что! Плавные движения, ловкие и изящные, ровные белые зубки, смех, переливчатый, как звонкий ручей — видят все древние, она никак не походила на потаскушку, а взгляд зеленых глаз почти обжигал, когда она останавливала его на чьем-то лице. Дик вдруг нахмурился: слишком уж острый он для девицы, изрядно хлебнувшей кресауского пряного...

— Скажи-ка, красotka, как ты оказалась в такой час на дороге? Погулять любишь?

Девuца рассмеялась.

— И еще как!

Лохматый вновь оскалил зубы в смешке.

— А целоваться любишь?

Широкая грубая ладонь вдруг обхватила ее шею, красotka взвизгнула, но ее писк перекрыл грохот отброшенной сапогом двери.

— А ну отпусти ее, сучий потрох!

Парень, стоявший в дверях, с яростью посмотрел на троuцу и шагнул широко, схватив лохматого за плечо, оттаскивая от девчонки.

— Отпусти, я сказал!

— Какого хрена!

— Отпусти мою сестру, козлина!

Сестра? Гусак только охнул, сгребая кружки со стойки по-

дальше. Ясно дело, без драки теперь не обойдется. И прав оказался, как и всегда. Лохматый коротким ударом отбросил парня, заржав:

— Сестра-то у тебя потаскуха, не знал?

Девушка вдруг взвизгнула снова, вцепившись ногтями в лицо тощему, пока ее братец набросился на лохматого обидчика, залепив кулаком в челюсть и сбив с ног.

— Ты богами обиженную от шлюхи не отличишь?! Тварь такая, со двора увел, споить хотел и поглумиться над безумной?

Удары посыпались градом, степенная компания подалась подальше к стене, зато игроки словно вспыхнули берестой, загремели опрокинутые стулья и скамьи, свара завертелась замахами рук и хрустом разбитой в осколки глины кружек. Кто-то рвался наглому парню, напавшему на добрых людей, начистить морду, кто-то — заступиться за сумасшедшую девку, которую брат выпихнул к двери с воплем:

— Домой пошла, дура! Убью!

Рябая Бет верещала на одной высокой ноте, подзуживая картежников, драка разгоралась все сильнее. Затрещало дерево, Гусак заорал, чтобы все выметались на улицу, а не кабак громили, но кто его слушал?

Братец и лохматый свалились на пол, сверху навалились игроки и парочка нищевородов, и вся куча поползла к дверям, пока Дик орал, что сей же час кликнет стражу. Под эти вопли все клубком и выкатились на улицу, а там вдруг по-

лоснул воздух разбойничий свист, раздался топот и вопли, утихающие так быстро, как бывает, когда человек бежит со всех ног...

— Маловато будет, дамочка. — Один из бедняков-попрошаек утер нос, который сочился юшкой, и покачал головой. — Драка-то добрая вышла.

Девушка, стоя рядом с братом, только криво усмехнулась, ту же затягивая на талии пояс накинутого поверх платья каф-тана.

— Но и добыча добрая. Это не пара монет, не ной. За твой нос заплачено и от души.

Где-то позади них еле видно светились окна «Трусливой утки», дорога поворачивала к тракту, но вся компания — странная парочка, несколько игроков и пара попрошаек — стояла в тени густой рощицы, где топталась еще и пара взнузданных коней, которых назвавшийся братом держал под уздцы.

— Себе больше забрали, так-то... — вступился за подельника картежник, что активнее всех махал кулаками.

— А ты головой рисковал, может?

Брат откликнулся раздраженно, но сестра со смешком тронула его за рукав.

— Не волнуйся, братец. Сколько вы под шумок сами кошелей нарезали, что нам в руки не попали? Мы ж карманы ваши не трясем, вот и вы с миром идите.

— А то что? — спросил негромко второй игрок и шагнул ближе, но тут же замер, разглядев в руке у девицы пистоль, направленный прямо ему в живот.

— Ступайте с миром, добрые люди, дележка была честная.

Игрок отступил, бормоча что-то, и компания быстренько засобиралась обратно, в сторону города. Девушка вдруг окликнула одного:

— Падек!

Худой мальчишка остановился, опасливо покосился на сотоварищей, отошедших уже на пару десятков шагов, и вернулся, остановившись и глядя искоса.

— Сеньора?

— Какая я тебе сеньора... — Алекса нахмурилась и протянула к нему руку. — Возьми.

Мальчишка так же осторожно, как дикий пуганый кот, протянул к ней свою. В грязноватую ладонь упало несколько тяжелых серебряных монет.

— Не делись с ними. Это тебе... и твоим братишкам, понял?

Падек судорожно сглотнул и прямо при них быстро, ловко и почти незаметно распахнул серебро, пряча в потрепанную одежду, пояс или еще туда, где разглядеть не вышло бы.

— А теперь иди!

Девушка забрала повод одного из крупных жеребцов из рук брата и ловко взлетела в седло — под юбкой мелькну-

ли мужские штаны. Тайлер проводил убегающего мальчишку взглядом.

— Как мы когда-то... — И повернулся к сестре. — Твари подлые... все им мало... А ты как на рожон лезешь, Алекса...

— Да бесы с ними, Тай. Обошлось все. Как всегда.

Девушка разделила вытащенные из карманов и срезанные с поясов кошель, половину отдала брату и толкнула коня каблуками сапог. Оба всадника порысили в ночь, оставляя Мидшор позади.

Глава 2. Тяжелые деньги

Порой вечером, присев на лавку в очередном кабаке и глядя в дымящий очаг и потягивая вино, Алекса думала об их с братом судьбе. Деньги, которые они сейчас добывали лихо-стью и хитростью, не всегда давались так легко. Да что там, поначалу-то и вовсе не давались!

Совсем еще юными девчушкой и мальчишкой, они бродили по дорогам страны из городка в городок. В потрепанной одежде, блестящие голодными глазами, неприметными, как им казалось, тенями, скользили на рынке, ухватывая то яблоко, то лежащую с самого края лепешку, и такой день был для них дивно хорош. Хлеб и вода из любого городского колодца, что им еще было надо?

Тогда они бродили без всякой цели, только жадно и тоскливо глядя на богато разодетых горожан с женами на праздниках, тяжело сглатывая голодную слюну от запахов торго-вища, где на маленьких печурках прямо при покупателе жарили пирожки, резали окорока, доставали бочонки сквашен-ных овощей. Но если Тай доверял старшей сестренке и не думал ни о чем плохом, лишь иногда тихо вздыхая, когда им приходилось укладываться спать на голодный желудок, то Алекса все чаще хмурилась и кусала губы до красноты. Они оба росли, одежда скоро станет обтрепанной и тесной, да и скитаться в одиночку опасно. Иной раз нищие, скабрез-

но скалясь, заглядывались на девочку, и Тай не стал бы ей защитой, слишком был мал. Надо было учиться добывать деньги самим или найти таких же бродяг, чтобы приютили и научили их за долю добычи всем премудростям.

Злых людей брат с сестрой встречали множество, добрых же им и вовсе не попадалось, потому поначалу оба решили попробовать управиться самостоятельно. В очередном городке на рынке Тайлер попытался упросить торговца, толстого плотного мельника, позволить ему за пару медяков перетащить мешки с мукой. Но мужик только расхохотался густым басом:

— Да ты и поднять-то не сможешь, недомерок! Вали отсюда!

— Я сильный, только глянь, сеньор, только позволь!

Тайлер вытянулся во весь рост и расправил плечи. С годами они станут широкими и крепкими, но пока мельник и пара его помощников видели только тощего мальчишку с лопатками, похожими на крылышки цыпленка. Смех был веселым и обидным, и Тайлер почувствовал, как болезненно краснеют щеки. Но упрямо стоять на своем он научился у сестры и уступать не собирался. Мельник, поглядев в горящие глаза, махнул рукой помощнику.

— Дай ему мешок. Уронишь и разорвешь, шкуру с тебя спущу на заплатки, понял?

Тай только закивал быстро-быстро, пока тот не передумал, и схватился за углы туго набитого мешка, беззвучно ох-

нув от тяжести. Припорошенный мучной пылью тюк казался неподъемным. Но он вызвался, назад пути не было. Вспомнив, как Алекса еще дома учила его поднимать мешки, набитые не мукой, а зерном, снятым с поля, мальчишка присел вполоборота к мешку, правой рукой прихватив тканевое ушко, а левую закидывая за голову, чтобы поймать второе.

— Глянь, а хватка-то неплохая. — Один из помощников, рослый и крепкий детина, приподнял брови.

Второй только хмыкнул.

— Разве что он муравей и может палку длиннее себя поволочь...

Тайлер глубоко вдохнул, выдохнул и рванул мешок на плечи, поднимаясь на ноги. Тяжесть навалилась на спину каменной плитой. Колени дрогнули, их повело в сторону, но, напрягая все мышцы до боли, он выпрямился, наклонился вперед и сделал первый шаг в сторону от телеги. Шаг, еще один, третий. С каждым мешок становился все тяжелее. И так неподъемный, сейчас он словно выдавливал из Тая кишки, которые, кажется, вот-вот готовы были вывалиться из живота прямо на утоптанную до камня дорогу.

— Спорим, не дойдет? — второй помощник вдруг рассмеялся. — Сейчас носом ткнется и реветь начнет.

— Дойдет! — первый помотал головой. — Такие — упрямые, как ослы. На зубах доползет.

— Пять медных! Если хочешь, отдай мальчишке, если выживет.

Пять медяков! Тайлер сухо сглотнул, делая еще шажок, затем еще. На эти деньги они будут жить неделю! Хлеба можно купить и даже обрезки мяса! Попроситься к котлу на кухне, взять кипятка и сварить даже суп... Еще шаг — колени затряслись.

— Давай, парень, я на тебя поспорил! — первый помощник крикнул громко, подгоняя Тайлера. — Если дойдешь, от себя добавлю еще пять!

Тай застонал сквозь стиснутые зубы. От плеч по спине ползло онемение, он не понимал, держат ли его руки еще углы мешка или уже отпустили, идти ему дальше или можно просто упасть на землю и свернуться клубком от боли, слез и отчаяния. Ему не дойти! Воздух со всхлипом влился в легкие. Нет! Он дойдет — дойдет и заберет эти десять медяков, хоть бы и пришлось потом сдохнуть!

— Упрямый, — хмыкнул мельник, — видать, деньги так нужны, хоть сдохни. Глядишь, и правда сейчас того.

— Стражники с нас не спросят, сеньор, — рассмеялся второй помощник, — кому дело до этого тощего бродяжки?

И правда, никому нет до них дела, подумалось вдруг Тайлеру, кроме них самих друг до друга. И ради Алексы он дойдет и выживет. Вот так. В груди вдруг сильно сдавило, дыхание сбилось, но он по-прежнему упорными шажками тащил мешок и вдруг наткнулся ногой на что-то тугое и плотное, а разлепив глаза, разглядел такой же мешок под ногами. Весь трясаясь, Тайлер повернулся спиной и скинул груз. Ноги

ослабли, и он сполз задом по брошенному мешку прямо под ноги двум дюжим молодцам. Один из них хмурился, отсчитывая медяки второму, а тот наклонился и протянул деньги мальчишке.

— Держи, парень, и постарайся выжить, чтобы купить на них пожрать.

— Напоследок... — ехидно добавил проигравший.

— Все, бездельники, за работу!

Мельник махнул рукой, и парни заспешили к возу. Протая будто разом все забыли, а он так и сидел на земле, сжимая в кулаке монетки, дрожа и тяжело дыша. И прежде чем он смог подняться, прошло немало времени.

Глава 3. Воровской круг

Тот день должен был стать счастливым, ему удалось заработать деньги, настоящие, честным трудом. Но Алекса, увидев его, расплакалась. Они ютились в углу конюшни на постоялом дворе, и там, в куче сена Тайлер отлеживался почти неделю, прежде чем смог снова нормально встать. Нет, он встал бы и раньше, но сестра шипела на него дикой кошкой, и он послушно лежал, спорить с ней сил не было.

— Глупый мальчишка! — Алекса ругалась и плакала снова, потом гладила его по голове и снова злилась, принося ему похлебку, которую за два медяка им все семь дней наливали в плошки стряпуха. — Ты надорвался, и теперь не сможешь даже яйца куриного поднять, дурак...

Тайлеру было совестно и стыдно, но он гордился этими деньгами, что есть, то есть. А Алекса после того решила твердо: никаких мешков Тай таскать больше не будет. Никогда.

Потому, из-за этих вот десяти медяков, и полезла она в первый раз срезать кошель у зазевавшегося сеньора в толпе у городской ратуши в какой-то праздник. Пальцы кололо от волнения, и сердце билось прямо в горле, когда Алекса нащупала плотную ткань с твердыми кругляшами внутри. Острый короткий ножик она просунула под полоску кожи, что удерживала кошель на поясе, полоснув себя по пальцу, но сдержав вскрик. Спасибо еще, что толпа толкнула ее от рас-

сеянного сеньора, а не к нему, иначе дело кончилось бы не срезанным кошельком, а распоротым брюхом. В тот раз им досталось почти полтора десятка серебряных монет, и это казалось огромным богатством!

Но деньги, оказывается, умели растворяться, словно кусок льда в руке. Алексе казалось, что это злое колдовство. Серебро исчезало, как утренний туман. Они вроде только и купили, что новую одежду и сапоги, а вот уже снова в карманах одна медь. Правда, что рубахи, что штаны, что плащи были хороши... И снова пришлось думать, как и где добыть желанное если уж не золото, то серебро.

Долго скитаться в одиночку не вышло. В каждом городе покрупнее больших деревень Тая задирали местные мальчишки, Алексе, что росла быстрее и скоро должна была расцвести, свистели вслед, грубые мужланы в кабаках хватили за руки, хищно скалясь. И все чаще сестре приходило в голову, что надо бы прибиться к кому-то. Делиться не хотелось, но надо было учиться премудростям воровства и обмана. Ведь не только воры же грабили простаков и дураков, на темной стороне любого города обитали те, кто обманом получал гораздо больше простых воришек, и она страстно хотела теперь узнать, как они делали это.

Когда Алекса замечала на шеях у зажиточных горожанок дорогие колье, а на пальцах их мужей перстни с камнями, она вздыхала глубоко и рвано. Как любая девчонка, она любила красивое, камни, тонкие переплетения цепочек и ко-

ванные звенья браслетов ее восхищали, будили злость и зависть к тем, кто ими обладал. Почему не она?! Единственной драгоценностью, что имела у Алексы, была маленькая бусинка-подвеска, подаренная матерью. Она носила подарок на кожаном шнурке и часто вспоминала, что говорила ей мама: «Это от моей бабки, а теперь твое, младшей девочке в семье передавалось, потом и ты дочери отдашь, запомнила? Бусинка эта дорогая, прозрачный камень, видишь? Драгоценный...»

Верила ли в это Алекса? Ей хотелось. Хотя откуда у материной родни драгоценная капелька? Подарок заезжего любовника когда-то прекрасной прапрабабке? Этого мать ей не рассказала... Но когда Тайлер в очередной раз подрался до кровавых ссадин с местными задирами и вернулся к ней с рассеченной ударом губой, она решилась.

Этот закуток и кабаком было трудно назвать. Настоящий притон, видят боги. Тайлер сидел у самой стены, почти прижавшись к ней спиной, а Алекса стояла рядом со столом, глядя вверх, в лицо худому и перекошенному на один бок мужику с цепким и неприятным взглядом.

— Сюда хорошенькие девочки не ходят.

Голос у него был сиплый и скрипучий, как рассохшаяся дверь, скребущая по полу, когда ее закрываешь. Алекса вздернула подбородок.

— Но я здесь.

Мужик ухмыльнулся.

— Смелая девочка. И очень глупая. — Он глянул в сторону дверей. — Кто пропустил эту малявку сюда?

— Корин, она мне к животу ножик сунула! — выкрикнул почти возмущенно стоявший у дверей парень.

— И что, отбиться не мог?

Вокруг загоготали, и сам «страж» рассмеялся тоже.

— Мог, но подумал, что это интересно...

Корин хмыкнул и выпятил нижнюю губу, разглядывая Алексу.

— Ну, положим... Так что тебе надо, глупая девочка?

Она внимательно посмотрела в хитрые глаза, чуть искрившие злобой, кажется, давно ставшей второй натурой этого человека, и уверенно сказала:

— Научи нас с братом жить.

Несколько человек рассмеялись, но Корин смотрел на нее в упор. Девка казалась весьма смышленной, а заморыш у нее за спиной, хоть и тощим, но гибким и юрким. Из таких мог выйти толк, тем более, что пришли они сами, в смелости мелкоте не откажешь. Но голос прозвучал лениво и презрительно:

— С чего мне вас учить, малявки?

— Вот. — Алекса протянула вперед руку, показывая ему на открытой ладони крошечную капельку-камушек.

Корин пожевал губами, морщины у губ углубились, резко очертив рот.

— Жалостливую историю про маменьку расскажешь?

Алекса улыбнулась, кривовато и ехидно, хотя сердце коротко екнуло.

— Тебе не все ли равно, маменькин подарок или повезло на рынке?

Бродяга ловко сцапал у нее с руки подвеску и покрутил, разглядывая на свет. Бусинка блеснула красновато-винным огоньком.

— Ладно, бесы с тобой... Оставайтесь. Поглядим, может, что и выйдет... Добыча вся общая. Попадетесь, спасти никто не станет. Эй, Нейт, дай им похлебки, а то сквозняком выдует.

Корин отвернулся, и Алекса, судорожно вздохнув, ощутила, как отпускает напряженные плечи.

— Все слышал, Тай?

Мальчишка только кивнул и взялся за ее руку холодными пальцами.

Глава 4. У стен Алгарда

Странно, но никто, кроме сестры, не называл его Таем. Всегда только полным именем — Тайлер. Тихонько и ласково так звала мать, резко и нетерпеливо — старший брат, громко и зло — отец. Только Алекса говорила негромко и мягко: Тай, — и у него таяло сердце.

Старшую сестру Тайлер Лемменс обожал. В семье он был третьим и поздним ребенком, самым младшим. Когда начал хоть что-то соображать, Лео, старшему, было уже пятнадцать, сестре — восемь. Мать рожала почти каждый год, но детишки мерли, кто в колыбели, кто уже подрастая, от крупа, лихорадки, голода в неурожайный год, от жаруницы летом и холода зимой. Их выжило лишь трое, и оттого отец злился на мать постоянно, каждый день попрекая: «Даже работников нарожать не смогла, бестолочь, на кой ты вообще нужна, кормить тебя!» Хотя мать работала на небольшой земельной делянке, растила картофель и зелень, прочие овощи, за которые на рынке просили не то чтобы дорого, но каждый медяк был на счету, и без огорода стало бы тяжело.

Саймон Лемменс был каменщиком, и на его руки находился спрос почти всегда. Руки эти были тяжелыми. Первым в том убедился Лео. Нрав он унаследовал не материн, как, впрочем, и все они, и отцу смел отвечать, грубить и дерзить. За это получал сначала подзатыльники, потом тумачи, а по-

сле и полновесные удары, после которых иной раз и встать не мог на следующий день. Чем старше становился первенец, тем сильнее лупил его за норов Саймон, и тем сильнее бычился сам Лео в ответ.

Алекса росла, как любая девчонка, с младых ногтей в заботах и трудах по дому. Принеси воды, подмети пол, поставь тесто, разведи огонь, напеки хлеба, покорми кур и овец, подои корову, переодень младшенького — у всех по домам в деревне было именно так. Она не тяготилась этой долей, просто не знала другой. Правда, в отличие от многих старших сестер, Алекса крошку Тая любила всей душой. Он рос здоровеньким и спокойным, следил за ней умными глазенками и ходил, как привязанный, не за матерью, а за ней. Это подкупало, и постепенно она привыкла. Летом учила Тайлера ходить за скотиной, зимой у самого очага с ним щепала лучину, следила за хлебами и рассказывала сказки. Откуда было девчонке их знать? Мать не сидела с ней вечерами, все ее время отнимал отец. И потому сказки Алекса сочиняла сама.

В этих историях всегда говорилось о приключениях и путешествиях, жадных купцах и лихих разбойниках, о морских девах, волшебных птицах и драконах. Тайлер слушал, затаив дыхание, как обрывочные разговоры с подружками у колодца превращались долгими вечерами в подлинные легенды, в которые мальчишка верил безусловно, свято. Мать только вздыхала, а отец кривил губы.

— Ты его научи сети вязать, чтобы за рыбой пошел летом.

И кончай дурь нести, сучка глупая.

Тайлер прижимался к Алексе под бок, прячась за ее спиной от него, и шептал на ухо:

— Алекса... Почему он ругает нас?

Девчонка только гладила его по руке и подталкивала к постели.

— Ложись давай, рано вставать...

Как объяснишь малышу, что для отца любая женщина — просто тварь, что должна кормить мужика, подавать чистую одежду и содержать дом в достойном виде, исполнять все прихоти кормильца и не сметь повышать голос или иметь собственное мнение по какому бы то ни было вопросу? Тай засыпал, а Алекс еще долго лежала в полутьме рядом с братом — постель у них была одна на двоих — и думала, думала...

— Зачем мы сюда приехали?

Тайлер растер ладони и перевел плечами, ночи еще были прохладны, а они уже долго стояли сразу за городской стеной Алгарда, дожидаясь, пока откроют ворота.

Алекса покосилась на него и пожала плечом.

— От тех кошелей ничего почти не осталось, а без денег я жить не умею. Ты тоже, кстати.

— Опять в трактир?

Девушка рассмеялась и покачала головой.

— Не люблю повторяться. И потом, там много не полу-

чишь, принцы в трактирах у дороги не обедают и из дальних стран короли на тушеную капусту не прибегают.

— Что надумала?

Тайлер отлично знал этот блеск в глазах у сестры.

— Поглядим, есть одна мысль...

Глава 5. Ярмарка чудес

На холодном еще утреннем ветру руки мерзли, и они оба потирали ладони друг о друга, поглядывая, как перед воротами собирается все больше народа. Алгард славился не только отменным мясом, здешних коров растили на каких-то особенных лугах, и жира в нем было достаточно, чтобы зимой сверху намерзала белая корка. Наваристо, сытно и вкусно. Алгардский скот ценили по всему королевству. Но на местных ярмарках торговали не только скотом. Алгард стоял на пересечении четырех дорог и реки, и торжища тут считались самыми богатыми, ехали со всех концов, даже со стороны столицы, а уж там-то рыбка кормилась богатая.

Ну, а где ярмарки, там и бродячие цирки, и всякие чудеса заезжих фокусников-магов — Алекса не особо верила в это все, но неверие не мешало глазеть на их проделки и восхищаться ловкостью рук. А еще, где цирк — там и гадалки. И уж этим верили почти все, богатый ли, бедный — разницы нет, каждому хотелось узнать свою судьбу. Приходили на ярмарки черноволосые и черноглазые уроженки юга. Гадали на черепах животных, пожелтевших, лоснящихся, клыкастых, на костях, которые бросали, как игроки в кабаках, на травах, пряных настолько, что щипало глотку, стоило вдохнуть. Приходили и с севера, светловолосые и бледные, как немочь. Эти перебирали камни с черточками, топили жир

толстых медведей, поили пытающих свою судьбу пьяным медом, омерзительным, кипучим, пахнущим почему-то не цветами, а мочой. После такого, думала Алекса, не только предначертанное узришь, но и с богами повидаешься запросто. Спьяну-то чего не почувдится?

Конечно, не отставали от приезжих и местные ведьмочки, кочевавшие с шутами и акробатами по стране. Они плели венки из цветов летом и из веток осенью и зимой, раскидывали карты, плавили восковые свечи — те, кто побогаче, а победнее — огарки из жира, лили на холодную воду, бросали в растопленную вязкую массу зерна и лепестки, читали по наплывам в мисках. Если уж глянуть в прошлое, так магия в этих краях водилась, как и во всем мире. Тогда, много лет назад, говорят, и боги на землю спускались с туманных горных вершин, и подлинную силу имели и кости, и камни, и воск, если попадали в должные руки.

Тогда водились по всему миру и истинные маги, умевшие убивать огнем из посоха и лечить прикосновениями рук. Жили в предгорьях те, кто говорили с животными, земными и небесными, летучими тварями, имена которых теперь все были забыты. Умели договориться и с чудищами морскими, те, кто китовым языком владел, да и русалочьим тоже. Хотя людям волшебства в крови досталось не так уж много. Куда больше его текло в жилах волшебных народов.

В давние времена в горах рубили камни гномы, жадные скряги, злые и мрачные, любители поводить горняков по

прорубленным шахтам, уходящим к Сердцу Мира, в самое жгучее пекло. По поверьям, там можно было отыскать жи-лы самоцветов, обогатиться по-королевски, но можно было и провалиться в узкие ходы, кончавшиеся то ли огненными ямами, то ли непроходимыми тупиками, выбраться из кото-рых оказывалось невозможно, и умирали или быстро в огне, или медленно от голода и холода в каменном мешке.

В лесах, уходивших в невиданные дали на запад, обитали фейри. Этот народец был не лучше гномов, хоть и улыбчив с виду и весел словами. Феи-крошки, летавшие бабочками, могли загрызть насмерть острыми, как бритва зубками. Те, что побольше, забредших на их земли заманивали туманом и огоньками в болота, раскрывавшиеся тинные зевы внезапно, прямо под самыми яркими зелеными полянками. Затягива-ло туда медленно, а криков и не слышал никто, кроме фей-ри, стоявших у края и смотревших, как человек захлебыва-ется мутной водой. Такая жертва была угодна лесу, деревья плодоносили тем лучше, чем больше утопленников упокаи-валось в болотной жиже. В реках водились русалки, что ма-нили в быстрину, крутили в водоворотах, самым красивым могло повезти — их оживляли такими же, как сами русалки, хвостатыми и бесспинными, не умеющими жить без воды — хоть в том радость, что умертвить этих сладкоголосых мож-но было, вытащив их на берег.

В небесах жили орланы и летучие твари, чьего имени ни-кто не знал. Они являлись только в грозу, и вид имели столь

ужасающий, что видевшие их теряли речь и разум. Потому в Бракеланде никто в грозу и носа не смел высовывать из дому. А еще было море и огромные морские змеи, топившие корабли и охранявшие морские сокровища, и рыбы с изумрудной чешуей и огромными жемчужинами на головах.

Не то чтобы молодые Лемменсы так уж верили в то, что волшебство от этих существ перешло к людям, но зато в это верили глупые толстосумы, а это было главным. Правда, приходилось признать, что в мире водилось множество оборотней. Этих было предостаточно: птицы, лисы, волки, псы, медведи, не перечесать. Но самыми волшебными по праву почитались драконы. Их осталось совсем мало, жили они людьми, обитали в старинных замках, обращались редко. Любая страна мечтала иметь такого на своей земле. Драконы-то считали землю своей и защищали истово, а кто устоит против ящера величиной с башню и плюющего огнем?

— Скажи, добрая женщина, а можно ли...

— Это я-то добрая женщина? — старуха с носом в бородавках, одетая в обтрепанные тряпки, захихикала мерзенько и глухо. — Думай, что несешь, девка!

— А что мне думать, я знаю, что несу, бабулечка. — Алекса рассмеялась и показала ей краешек большой серебряной монеты. — А уж куда донесу, это поглядим. Может, до тебя, а может, и подальше кому.

Старуха закашлялась, глядя из-под седых бровей, и поже-

вала морщинистыми губами.

— Ну, зачем же тебе ножки-то бить, красавица... Садись, поговорим.

Алекса весело улыбнулась и нырнула под полог циркового шатра, маленького и выцветшего, в котором ведунья при-
вечала гаданием посетителей ярмарки, что должна была на-
чаться завтра.

Глава 6. Бегство из деревни

Сколько их ровесников засасывало в рутину дней, сменявших один другой бессчетным на спицы, прогнившим, серым колесом будней. Да и праздники здесь казались тусклыми, веселились на них зло, пили много и много дрались, били девок и тащили на сеновалы, и добро, если отцы или братья успевали отбить молодух. А нет, так и порченных брали потом из-за брюха и потому, что других взять было негде.

Чем старше становилась Алекса, тем чаще думала: неужели на всем свете вот так все? Грязно, серо и буро, холодно и сыро даже в самый погожий денек, и солнечные лучис трудом пробиваются до земли сквозь корявые ветви плотно стоящих деревьев? Нет, не могло такого быть! Хоть редко, а забредали и сюда чужие люди, и сиживали вечерами в единственном доме, который принимал таких чужаков — у такого же корявого, как самый старый дуб на опушке, Мореного Тиба, старика-калеки, давным-давно потерявшего на охоте руку. Впрочем, мало кто помнил уже, как то вышло на самом деле, а старухи порой шептали девкам, что руку-то Тибу отрубили за воровство и разбой лесной. Но Алекса этому не верила. Будь так, никто в деревню вора и убийцу не пустил бы. Тут и хорошему человеку жилось не сладко, разбойника и вовсе затравили бы, да палками гнали за деревенскую околицу, а за ней теми же палками и прибили бы. В лесах

народ жил дремучий и жестокий, на расправу скорый, не заботящийся о суде.

А пришлые оставались на вечер или два, иногда больше, если попадали в затяжные дожди, и вечером у очага в доме Тиба собирались не только мужики, но иной раз и кумушки. А уж тем — только волю дай, разнесут, растрещат, как сороки по всему свету, что слышали. Вот так и узнавали молодые и юные, в каких странах путешествующий человек побывал, как в тех странах жизнь устроена, какие дивные звери встречаются и как люди простые и знатные живут. Выходило, что где-то солнце светило, не прячась за горизонтом, да только холода то не избывало, вот странность! А где-то круг огненный жарил с небес так, что песок под ногами плавился, а ночью от холода застывал насмерть, оставляя стеклянные капли-слезы на песчаных волнах.

В одних странах зелень буйствовала так, что, шагнув в лес лишь на пару десятков шагов, можно было заплутать и не выйти больше к людям. Там птицы походили на бабочек, а змеи — на облитые смолой гибкие бревна, в реках бурлила от рыбы вода, а с ветвей падали под ноги сами сладкие плоды, полные сока. В других же все было скудно, беднее даже, чем в их медвежьем углу. Пустая, стылая равнина с острыми кряжами, похожими на спины спящих драконов, обернувшихся, да и застывших навеки. Но люди жили и там, добывая невиданной ценности меха и кость для резьбы, приходя к торговым путям на короткое лето и менявшие сокровища

— не деньги даже, — на припасы: высушенные и выморенные целые бычьи туши, бочки муки и меда, соль, пряности и лечебные травы.

Но везде, везде — от края льда до края жары — была жизнь. Все текло и менялось, все билось, с природой и друг другом, везде текла жаркая кровь, а не стылая сукровица, больше похожая на воду, что вяло струилась у здешнего люда в жилах. И Алекса рвалась туда всей душой, кем уж выйдет — честной труженицей или воровкой, примерной женой или гулящей девкой, которой все чаще обзывал ее отец, — ей было все равно. Лишь бы отсюда.

Быть может, если бы не старший брат, Алекса с Тайлером никогда не выбрались бы из своей прозябающей вдали от дорог деревни...

В большом добротном доме барона Генриха де Вале, породного сеньора, держащегося надменно и заносчиво даже перед родней, не то что слугами, ярмаркам радовались всегда. В дни, когда в Алгارد приезжали разноцветные шатры, занимавшие все площади и пригород, прорастая причудливыми цветами посередь ярмарочных рядов, настроение хозяина неизменно был солнечным и ясным. Хороший торг и выгодная сделка радовали разум барона, Генрих де Вале не гнушался торговаться, как купец и делец, он любил и ценил деньги. Но он никогда не признался бы никому, что сердце его трепетало от фонтанов проглоченного и выпущенного

циркачами огня, от колес удачи, которые крутили молодые девки в цветастых, как витражи, юбках, от сладкого запаха и вкуса меда и печеной сдобы.

Но зато никаким гадалкам де Вале не верил, презрительно кривил губы, когда супруга его, Амалия де Вале, испуганно шарахалась от рыжих котов и никогда не брала денег левой рукой. Такой бы леди носа не совать к гадалкам, но все в доме знали, что удержаться де Вале не в силах. Баронесса, женщина тощая и сухая, как сушеная рыба, с глазами примерно того же цвета, что и у сельди в рассоле, с трясущимися губами доказывала мужу: «Пусть самое худое мне скажут, но я хоть знать буду и буду готова!» Барон только вздыхал, сквозь зубы кляня суеверную дуру, но спорить с супругой дело было опасное, Амалия отлично умела отравить ему жизнь. И все же, душа у него болела за каждую монету, что выскальзывала из пальцев, чтобы упасть в шершавую ладонь очередной лгуни.

Вот и в этот раз прямо за завтраком баронесса разложила на коленях холстину салфетки (кружева и батист подавали только на званных обедах, что огорчало Амалию безмерно, но являлось жестким требованием супруга), взялась за ложку и подняла на мужа глаза.

— Дражайший мой, — голос у нее был под стать внешности, сухой и скрипучий, казалось, еще чуть-чуть, и от него на пол посыплется облетающая чешуя, — Вы, должно быть, слышали, что торговые ряды уже выстроили прямо за город-

ской стеной?

Барон прожевал кусок хлеба с ломтем холодного мяса — он не признавал иного завтрака — и поморщился.

— Разумеется, баронесса. Вы понимаете, что я знаю, к чему эти вопросы?

Он мог бы и не спрашивать, все и так было ясно. Сейчас она будет жевать долго-долго эту склизкую кашку, просо на воде с парой ложек молока, потом отложит ложку и салфетку, сложит руки на коленях и будет смотреть на него глазами тупой овцы. Боги, за что ему досталась именно она, такая тупая, что любая из служанок обставила бы ее не только в карты, но и переспорила, убеждая, что снег зимой падает черный, а белеет от лунного света. И все же де Вале ждал: облегчать задачу жене он не собирался.

Ну, конечно, вот она промокнула губы краем ткани, сложила сухие тонкие ручки на коленках и взглянула на него через стол.

— Если Вы помните, Генрих, в прошлом году... Вы пообещали...

Де Вале закатил глаза. Само собой, он помнил! Он никогда не забудет тот грандиозный скандал, истерику со всхлипами, воплями и слезами, когда он, оттащив жену от очередной ведуньи, заявил ей дома, что урежет ее содержание на ту сумму, что она потратила в цирковых рядах, а значит, не видать ей новых платьев до самого празднования солнцеворота!

Амалия вопила, как уличная девка, топала ногами, рыдала до икоты и упала в обморок, забившись в судорогах, правда, он не поручился бы, что они были подлинными. Он луну с неба пообещал бы, чтобы прекратить этот кошмар...

— А Вы помните, какие условия были мной поставлены, дорогая?

Баронесса нахмурилась, поджав губы. Если барон прекрасно помнил ту безобразную сцену, то и она помнила, как муж, грохнув кулаком по столу, как распоследняя деревенщина, проревел, что ни медяка сверх определенной им суммы супруга не получит, будь они нужны на карточный сеанс или на истоптанные ботинки, без которых осенью и зимой не выйти на улицу.

— Да, Генрих, я помню. Да.

— Отлично, милая. Тогда Вы поедете со мной, но не упускайте из виду эту мелочь, о коей мы уговорились. Ничто потом не заставит меня изменить решение.

Глава 7. Подготовка новой аферы

— Не то чтобы я сомневался, но все-таки, какого беса лысого мы торчим тут уже почти целый месяц?

— А по мне, как раз сомневаешься.

Алекса вытянула ноги к очагу и уютнее завернулась в плащ. Зима, хоть и изгнанная, кажется, окончательно, все еще налетала студеным дыханием по ночам, а добрый трактир все же не был дворянскими покоями, где замазана раствором или законопачена паклей каждая щель. На брата она взглянула искоса и незаметно улыбнулась. Тай был такой забавный, когда сердился. А от безделья сердился всегда. Впрочем, братец просто не понимал, что весь месяц они не тратили время даром, что все эти разговоры и встречи, казавшиеся ему болтовней, имели смысл и должны были принести богатые плоды.

— Ты сама сказала, что деньги у нас кончаются, когда мы только приехали сюда...

— Но не кончились же, — фыркнула девушка, пожимая плечом, — спасибо церковным кружкам и щедрым прихожанам...

Тайлер не удержал улыбки, он не страдал ханжеством. Воровкой Алекса была отличной. И церковные кружки научила его обчищать легко и быстро.

— Сестренка, я отлично тебя знаю. Не ради этих грошей

мы тут застряли, правда же?

Она длинно вздохнула и протянула ему пустую кружку.

— Принеси еще горячего вина.

Тайлер поднялся и безропотно забрал из ее рук неуклюже вылепленный глиняный бокал, направляясь к стойке. Алекса не станет лгать ему, он это точно знал. Значит, сестренка решала, что и как ему объяснить, и мешать ей он не хотел. Рано или поздно все равно узнает все до конца. Тайлер умел ждать, хоть и не любил.

На самом деле, Алекса просто хотела еще вина. Иногда ее брат надумывал себе лишнего. В этой затее не было ничего, что она хотела бы скрыть: не было смысла. Поэтому, когда Тайлер вернулся, поставив перед ней и собой горячего вина с пряностями, она тихо заговорила сама, придвинувшись поближе. Лишние уши были ни к чему.

— Если ты помнишь, когда мы выходили за околицу, я пообещала тебе...

Тайлер плотно сжал челюсти. Он отлично помнил каждое сказанное сестрой слово.

Тот день навсегда остался в памяти у них обоих. По часам и минутам.

Они поднялись, как и всегда, рано, еще до рассвета, который выпал тусклым, как разбавленное молоко, и таким же туманным. Мать отправила Алексу за водой, а сама растопила очаг. Хлеб к завтраку должен был быть свежим, муж вста-

нет только через час, и она торопилась. Мужчины все еще спали, и отец, и оба брата. Тайлер, правда, приоткрыл глаза, когда Алекса вылезала из-под одеяла. Прохлада всегда его будила, а может, то, что сестра оставляла его одного. В родной семье парень доверял только ей одной.

Когда они, наконец, стали открывать глаза, дом уже был полон запаха вареного зерна с травами и свежих, прямо с огня сероватых лепешек. Мужчины молча отправились на двор умываться и вернулись, тут же садясь за стол. Ели быстро и тоже молча, только раз Саймон прикрикнул на жену:

— Ты опять молока не принесла! Марш, живо, еще тебя ждать! — И тут же глянул на младшего сына. — Ты сегодня пилишь дрова, лето не лето, к зиме надо будет пережечь угля побольше, тратиться на угольщика не хочу. Не хватит — докупим, если ты такой же бестолковый, как твоя мать. И будешь отрабатывать каждый грош, на него потраченный.

Алекса опустила глаза одновременно с матерью. Во всем и всегда были виноваты они, даже если разговор шел о делах совсем мужских. И если Селина давно смирилась, то дочь и не собиралась становиться такой же безмолвной тенью. За это теперь, когда она выросла, доставалось и ей. Отец звал ее бесплодной, никому не нужной яркой, раз никто до сих пор не позарился позвать ее замуж, плевал ей под ноги, поднимал и руку. Только Алекса вовсе не была дурой. Мужской силы у нее в руках не было, не было и смирения, зато имелось ловкое тело и быстрые ноги. Она почти всегда успевала

увернуться и выскочить за дверь. А уж на дворе и тем более в лесу отцу было не угнаться за ней. Но чем дальше, тем труднее было оставлять рядом со взбешенным Саймоном младшего брата, который — вот диво! — тоже вырос, и все чаще сжимал кулаки и скрипел зубами, когда на голову любимой сестры лилась брань и отец пытался ухватить ее за длинную густую косу. Алекса каждый раз успевала шикнуть или бросить на него короткий взгляд, останавливающий Тайлера. Ему силой с отцом было не тягаться тоже. И обоим им все чаще изменяла выдержка, шептавшая: «Промолчи, стерпи, не гневи!», и оба ловили друг друга за язык, чтобы не сболтнуть лишнего, не плеснуть в огонь ярости еще масла...

Глава 8. Причины

Но был в доме еще один человек, который мужал с каждым годом, а нравом не уступал Саймону Лемменсу. Он и сейчас открыл рот, чтобы низким, уже переломавшимся голосом выговорить:

— А за каждый сожженный в очаге уголек будешь ему гроши отдавать? Ведь он тебе их сбережет.

— Что?..

Лицо у Саймона побагровело мгновенно. Сонный или нет, он вспыхивал злобой мгновенно, а между ним и старшим сыном так и не утихла еще ссора, начавшаяся третьего дня. Из соседнего городка, где решили укрепить стену, идущую вдоль небольшой речки и подточенную ее слабыми, но упрямыми водами. Потому каменщиков собирали по всей округе. Бригадир городских работников камня и железа добрался и в их захолустье.

— Собираем работников, — сообщил он, жуя травинку углом рта, — платят как обычно, пойдешь?

Саймон уже бывал в городе, числился хоть и вспыльчивым, но неплохим работником. Раздумывал он недолго, предложение было выгодным. Пусть с обычных заказчиков взять можно было больше, но здесь трудиться он будет дольше, и монет заработает, может, даже вдвое. Только вот рот открыть даже не успел, как Лео шагнул вперед.

— Сеньор бригадир, могу я попроситься на работу? Сил у меня поболее, а умений не меньше. Можете кого хошь спросить у нас.

Саймон от такой наглости просто онемел, а городской гость брови вздернул:

— Смелый у тебя сопляк, Сай. — Он оглядел ладную фигуру Лео и задумчиво кивнул. — Знаешь, а неплохая мысль. Не в обиду твоему отцу, но выглядишь ты покрепче и половчее. Беру.

Старший Лемменс скрипнул зубами.

— Стало быть. Твое предложение не ко мне больше, Тим? Тимоти пожал плечами.

— Да отчего же? Придете вместе. Тебе ж лучше, больше на семью заработаете.

На том с ним разговор и закончился, как только Саймон узнал, когда им следует прибыть. Но вот между ним и сыном он только начался. В этот раз отец не орал, а хрипел от бешенства:

— Кто тебе лезть позволил? Как посмел вперед меня слово сказать?!

Лео увернулся от кулака, летящего в скулу, и рывкнул в ответ:

— Нам только выгода, а мне что, до скончания века молчать?

— Пока я не разрешу рот открыть!

Синяков и кровоподтеков наставить сыну он успел, но

впервые за много лет Лео не прятался от ударов, не закрывался, а пытался ударить в ответ. Саймон управился с первенцем, но злоба не утихла, как обычно. А Лео, почувствовав вкус свободы, кажется, не собирался униматься теперь.

— Что ты сказал? — повторил отец, приподнимаясь из-за стола.

Лео вскочил первым.

— Что слышал, отец!

— Да как ты...

От полетевшей в голову плоски Лео увернулся и рванул к дверям, в драке в доме он проигрывал всегда, не мог развернуться во всю силу, не хватало места, тогда как отец просто придавливал его к стене и лупил, сколько хватало дыхания.

Мать вскрикнула, тут же зажав себе рот. Алекса с Тайлером бросились следом за отцом и старшим братом.

В поредевшем, но не сошедшем еще совсем тумане две кряжистые фигуры двигались как два медведя. Взмахи рук взвивали за собой тонкие туманные струйки, удары звучали глухо, все словно вязло в этом мутном киселе. Алекса вцепилась в руку Тая, мелко дрожа. Что-то было не так. Не так, как обычно. Лео двигался быстрее и ловчее и словно заразился от Саймона злобой. Когда звери бьются за старшинство, они не убивают друг друга, но люди... люди хуже зверей.

Они сцепились в самой середине двора. Смачные шлепки кулаками по лицам, в грудь, по бокам, сипение, рычание и брань, которой сыпали оба, подсечки, которые ставил Лео,

и удары в ребра от Саймона — все казалось Алексе сном. Сердце то разгонялось во весь опор, то замирало от непонятного ужаса, и он плеснул ярче всего, когда Лео двумя ударами по ногам свалил отца на землю.

— Я... я теперь буду все решать! — прохрипел он это бешено и громко.

И это были его последние слова.

Камень, валявшийся на земле пару секунд назад, ударил его в висок. Саймон толкнул сына со своей груди и навалился сверху. Рука поднималась и опускалась, как молот, острый край камня превращал лицо Лео в месиво, мать закричала пронзительно, как пойманный заяц. Алекса рванула брата за руку, обратно в дом:

— Пошли!

Она не думала ни секунды. Следующим будет Тай, она знала. Попробовавшей крови зверь не потерпит соперников, а они с матерью ему не угроза, значит, Тай... Вещи она совала в котомку так, словно дом полыхал пожаром. Может, так оно и было. Пара рубашек, штаны, лепешки, горсть монет, которую она выгребла из потайной отцовской закладки — выемки в стене слева от очага, — теплые плащи и куртки.

— Быстрее, Тай! Ну!

Она выдернула его за дверь и тут же рванула в сторону, за угол дома. Лео лежал в разбитой в крошево головой, мать была у его тела, а отец стоял над ними, глядя себе под ноги мутно и тупо. Алекса дернула брата снова, и они побежали.

Побежали прочь из этого дома, где их ничто не держало, а гнало многое. Быстрее, быстрее... еще быстрее. Туман вился за их спинами, размываясь и смыкаясь зыбкой стеной снова...

— Что я сказала тогда, Тай?

— Ты сказала: «Мы будем богаты, и никто не посмеет тронуть нас».

— Может, ты не заметил, но я делаю именно то, что собиралась. С чего мы начинали? Медяки у церкви в ближайшем городке. Овощи и хлеб, украденные на рынке. Кошельки, срезанные на торжищах.

— Ты провернула тогда фокус с жадиной купцом, помнишь? И еще обманула дурака мельника, а еще мы...

— На этом не выжить, братец. Пройдет несколько лет, и я перестану быть такой красивой и ловкой. А ты в разбойники пойдешь, чтобы нас кормить и чтобы тебя повесили на суку, когда изловят? Нет. Нам нужен жирный кусок. Лучше бы королевский. Но пока и барон сойдет. Понял?

Тайлер молча кивнул и отпил вина. Алекса права. Она всегда права.

Глава 9. На крючке

Ярмарка будоражила. Запахи, краски, звуки — все сияло, пело, дымило, сочилось сладостью и солью, бросало в глаза искры и пыль, сбивало с толку, вытряхивало кошельки до самого доньшка и оставляло с ощущением полного и чистого детского счастья. Даже таким занудам, как Генрих де Вале торговые ряды приносили удовольствие и радость. Ему бы родиться не бароном, коему не к лицу гулять вдоль раскинутых столов и торговаться за каждую монету, а деловитым и серьезным, строгим и честным купцом, который ни у кого не прихватит лишнего медяка... если у этого кого хватит мозгов не обмануться самому.

Иной раз Генриху думалось, может, это совсем дурная тяга для благородного человека? Может, чистота крови, которой он гордился, была не так уж безупречна? Может, какая бабка-прабабка да согрешила с заезжим торговцем, а у того жара в крови оказалось больше, чем у худосочного прадеда, вот и передалось такое... *неправильное* дальше, к деду, отцу, к нему самому? Но мысли эти де Вале старательно гнал прочь. Просто у него ума хватает, чтобы вертеться в этом мире, не проигрывая, и это благо, а не позорное пятно на дворянском титуле. Во всяком случае, он не голодал, в долгах не сидел и мог позволить себе и мясо хоть каждый день, и хорошего жеребца в конюшню.

Собственно, он и пришел сюда за еще одним, в пару тому караковому красавцу, что уже жил в его стойлах. Выбор — такое сладкое слово! И барон прогуливался по дальним конным рядам неспешно, подолгу стоял, рассматривая товар, просил подвести то одного жеребца поближе, то другого, отходил, смотрел, как водят коней по небольшому кругу, показывая и стать, и ход. Он наслаждался этим от души, а вот баронесса с каждой минутой становилась все кислее лицом. Амалия бродила за мужем, который велел ей не отходить от него, раз уж сама напросилась.

— К Вашим циркачам пойдете только со мной, милая моя. И денег в руки не дам, сам буду платить, так не разоритесь и босиком зимой не останетесь.

Какая она ни была дура, а все ж жена... Слова своего де Вале не нарушит, но и голой на улицу ее не пустит же. Так что супруга сопровождала его, молчаливая, снулая, с поджатыми губами, способная заставить молоко скиснуть на милую вокруг.

Наконец, барон остановился. Жеребец, которого торговец держал под уздцы, повернув боком, выгнул шею и скосил блестящий глаз, сверкнув ярким белком. Де Вале замер, рассматривая гладкую лоснящуюся шкуру, длинные сухие ноги, крупные бабки и крепкие копыта.

— Неплох...

Торговец сладко заулыбался, кланяясь и самому барону, и знатной даме, его сопровождающей.

— Доброго дня, великолепный сеньор и его сеньора! Этот конь обгонит ветер и вывезет рыцаря в полном облачении! На охоте не отстанет от борзых, в густом снегу вынесет на дорогу, переплывет любую реку и оставит после себя два табуна жеребят! Сеньор желает посмотреть поближе?

Генрих благосклонно махнул рукой, чтобы коня подвели поближе. Ох, спасибо придворной науке, лицо он держать умел. Жеребец был прекрасен. Он гнул шею круто, как лебедь, гарцевал на кончиках копыт, взмахивал густым тяжелым хвостом и тряс гривой, расчесанной до шелкового блеска.

Барон протянул руку, похлопав коня по шее, пожевал губами.

— Говорить вы все горазды... Какую цену просишь?

— Мой драгоценный сеньор, поверьте, ни слова неправды мной сказано не было! И всего-то пятьдесят золотых...

Барон поперхнулся.

— Ты сдурел?!

Баронесса тоскливо закатила глаза, отходя в сторону. Торг будет жарким и долгим, это она уже знала. Поэтому и не слушала ни слова, глядя в сторону больших разноцветных шатров. Конные ряды огибали ярмарку половинкой подковы с одной стороны, а с другой — такой же половинкой подковы ее охватывало становище циркачей. Амалия невольно сделала шаг в сторону цветных флажков, колеблющихся на ветру полотнищ и звуков радостного детского визга. Но вздрогну-

ла не от этих звуков, а от резкого и злого выкрика благородного супруга:

— Нет, точно ума лишился по пути в Алгард, богами клянусь!

Амалия сделала еще шаг, потом второй, третий. Ветер подхватил ее свободно подвязанные волосы, огладил теплой ладонью, пощекотал шею. Дорога между рядами стала шире, еще пара шагов, и перед ее глазами развернулась первая из площадок, на которой длинный и гибкий акробат крутил колесо, развлекая публику, разогревая перед нескорым еще вечером, когда вспыхнут дымные шутихи и колеса огня, когда огонь этот расцветет яростно у самых губ циркачей, когда шпагоглотатели заставят сердца публики трепетать от ужаса...

Воистину, баронесса Амалия де Вале была особой чувствительной и, пожалуй, даже экзальтированной. Вид молодых женщин, столпившихся на небольшом пятачке между шатрами и палатками чуть подальше, сразу привлек ее внимание. И, уже не думая даже о своем муже и его лошадиных делах, она поспешила скорее туда, где женские голоса были похожи на птичий щебет спугнутых ястребом сорок.

— Этого просто не может быть! Как она узнала?!

— Эти ведьмы все обманщицы, неужто ты поверила?

— Есть ведьмы, а есть гадалки, ведуньи, им как не верить?

— А что мне не верить, если она всю правду до капельки рассказала?

Девицы толпились плотным кольцом, дергали друг друга за рукава платьев и накидок — обычные горожанки, из зажиточных, не дурочки какие деревенские. Кто же так их всех взбудоражил?

— Я-то думал, дражайшая супруга, что уж простые слова Вы понимаете и слово свое держать умеете. Я ошибался, сеньора моя?

Голос барона, раздраженный и язвительный, пролился Амалии за шиворот дорогого платья, как струя ледяной воды. Замерев на пару мгновений, она повернулась, сложив руки на животе и вздернув подбородок.

— Я никуда не ушла, Вы же нашли меня сразу, как только закончили своим драгоценным жеребцам в зубы заглядывать.

Де Вале только хмыкнул. Не спорить же со вздорной бабой. Никакого пиетета перед женой он не испытывал. Брак их был устроен, как и водится в приличных семьях, договором меж родителей, и любви к нему не прилагалось. Разве что некоторым везло. Но сделкой он был доволен, сам проследил, как конюший покрыл спину красавца-коня теплой попоной и повел к новому дому, а чтоб не ошиблись дорогой, с ними отправился и один из домашних слуг де Вале, Кривой Гил. Этот детина, которому в драке в юности порезали лицо так, что его перекосило от шрамов, был страшен на вид и за хозяйское добро был готов и убить. Верный пес, Генрих жаловал его. Немногие слуги в его доме достаивались такого.

— Ну, и куда изволите, баронесса?

Пререкания Генрих де Вале прекратил сам, уж слишком приятным было приобретение, и ругаться стало откровенно лень. Амалия же, немного подувшись, все-таки взмахнула рукой. Барон только вздохнул и кивнул, направляясь за женой, которая тут же, вспыхнув глазами, устремилась в сторону цирка.

Глава 10. Предзнаменование

Заложив руки за спину, опустив голову, глядя вперед и под ноги, де Вале не спеша двигался следом, точно зная, что далеко супруга не убежит, все деньги лежали в его кошельке. Забавно устроен этот мир... С год назад завел он интрижку с одной деревенской девкой, крутобедрой и вертлявой, так в той разума было больше, чем у иного придворного в столице. Она смеялась над суевериями, даже теми, над которыми и сам барон не стал бы шутить, и была красивой, как летняя бабочка. А вот идет его Амалия, высокородная дама, в которой разума ни на грох, как в безмозглой овце, ни счета не понимает толком, нет смелости ни на что, да еще от каждой тени шарахается...

— Боги! Сеньор мой! Какая черная тень над головой Вашей!

Вскрик вырвал барона из размышлений, заставив стать столбом посреди прохода. Девушка с буйством кудрей, черных, как смоль, и со странно светлыми для таких волос глазами, вся в пестрых юбках, лентах и широкой шали, струившейся по спине, замерла рядом с ним, схватив де Вале за рукав. Светлое лицо оказалось близко к нему, и Генрих невольно вгляделся внимательнее. Пыль и грязь, в которых вечно перемазаны уличные бродяги, не могли скрыть сияющей молодости, нежности кожи и гармоничности черт. Девка была

сказочно хороша.

Но руку ее он все же стряхнул, поморщившись на кликушу.

— Что ты там несешь, дура...

Девка ахнула и головой замотала, взмахнула руками, как будто отгоняла от него мошкарку, и подалась ближе, заговорила жарко и быстро:

— Мой прекрасный сеньор, беда за Вами ходит, бредет прямо след в след по всем дорогам, в окна заглядывает. Нагнать хочет тень злая, проклятие наслала вслед Вам, добрый сеньор! Вижу, как из-за плеча выглядывает, с лицом перекошенным, верткая, как змея водяная, мести хочет, горя несет... Берегитесь, добрый сеньор!

Амалия, услышав крик, развернулась и бросилась было обратно, но тоже замерла в нескольких шагах от супруга и гадалки, прижав руку ко рту.

— Боги, да что за наказание-то такое! — Дернув руку сильнее, барон вырвался от девицы, от злости чуть не топнув ногой. — Дура! Не рассчитывай, ничего не получишь! Ни медяка не дам за твой грай вороний!

Гадалка только гривой своей пышной потрянула — лучше, чем у иных кобыл, мелькнула у де Вале мысль — и снова заговорила, теперь медленнее, глядя как будто остановившимся взглядом в его лицо:

— Смерть та, что за тобой идет, твоими руками сделана была. Не отстанет от тебя дух, что мстить решил. Все хочет

отнять у тебя, каждую дорожную часть дома твоего, потом и к душе перебраться. Хочет очернить ее перед богами, хочет крови твоей и страха, хочет жизни твоей...

— Генрих!

Амалия пискнула только имя, а не титул, не «муж мой», и только по этому одному сказал бы де Вале сразу, что напугана его супружница до полусмерти, как и те самые торгашки-горожанки, что попятились в стороны, когда гадалка кинулась к барону. Но он-то не Амалия!

— Сказал, не дам ничего! Стражу сейчас позову! В яму сядешь за ложь и кражи, воровка, без головы останешься! Пошла прочь!

Девушка взглянула в его глаза и чуть головой снова качнула, а после повернулась к баронессе.

— Добрая сеньора, в твоих глазах разум высший вижу я, дано Вам видеть то, во что не верят мужчины, земными заботами обуяны. Чувство в душе Вашей сильно и чисто, оттого и открыто Вам, что от супруга Вашего достойнейшего сокрыто. Верьте, беда грядет! Не снимется проклятие с него, горе, великое горе в Ваш дом войдет и навеки поселится... Спасите его, сеньора моя! Поверьте, придите! Приведите его!

Вопли в базарный день разные случаются. И зазывалы звонят, и насмешники кричат, к вечеру и пьяницы им вторят. На этот шум, как на смех и песенки лихие городская стража не откликалась. На то и торжище, чтобы людям веселиться. Но иной крик сразу зовет их, тут как тут являются с пика-

ми и мечами, расталкивают всех небрежно, не разбирая кто перед ними, разве что перед высшими чинами вмиг голову клонят. Вот и сейчас, стоило подняться гвалту после гневного окрика барона и слов гадалки, издалека загремело железом, топот тяжелый, что только у стражи и бывает, ударил в утопанную землю. Амалия так и стояла, руку прижав к груди теперь, напротив разгневанного барона, а гадалка, махнув подолами юбок, в толпу нырнула, как рыбка в заводь глубокую, исчезнув с глаз мигом.

И кто уж в городской страже не опознал бы достойнейшего из обитателей города? Начальник отряда подошел к де Вале и тут же склонил голову.

— Я слышал Ваш голос, барон, чем можем служить Вашей светлости?

Тот даже голову повернул не сразу, все глядя туда, куда метнулась хитрой черной гадюкой бесова гадалка. Но потом все же ответил, окидывая стражников коротким и неприязненным взглядом.

— Приструните шарлатанов здешних. Уж добрым людям не пройти, за полы хватают. Им волю дай, так в наших домах жить захотят и за нашими столами обедать. Запретить бы к бесам все эти ярмарки...

Солдаты слушали почтительно, а старшина уже шагнул ближе, готовый выслушать, какова с виду была та девка, что потревожила покой благородного человека, но де Вале только рукой махнул и тихо прорычал жене:

— Домой.

Людская речка разошлась, пропуская их, но тут же сомкнулась, не оставив прохода, и из уст в уста покатились сплетня о проклятии над головой знатного барона. Ох, что будет...

Экипаж поджидал супругов на дороге, уходившей обратно к городу, и, забравшись внутрь, Генрих злобно хлопнул дверцей. Амалия подобрала пышные юбки, отодвигаясь подальше и глядя на супруга с искренним испугом. Кучер щелкнул кнутом, и пара тронулась неспешными шагом, а потом и рысью. До дома было не так уж далеко, а разговор их слугам слышать было негоже, и баронесса решилась.

— Мой драгоценный... я должна просить Вас... умолять...

О чем должна была умолять она своего мужа, Генрих слышать не пожелал, рывкнув грубо:

— Хватит! Слышали меня, дражайшая моя? Хватит с меня этой дури! Не смейте больше даже заикаться об этом. Никаких поездок отныне в такие места, даже не думайте, я запрещаю.

Сказано было таким голосом, будто каждое слово было таким же тяжелым, как воз, груженный камнями. Молчание повисло между бароном и баронессой такое плотное, что походило на замерзшее масло.

Копыта загрели по доскам опущенных городских ворот, потом защелкали по булыжникам мостовой. Мимо тя-

нулись знакомые улочки, фасады домов, в которых супруги бывали на званных вечерах, лавки, в которых слуги покупали им зелень, хлеб и молоко. Но знакомые очертания родного города не успокаивали баронессу. Слова гадалки никак не шли у нее из головы и из перепуганного до барабанного боя сердца.

Экипаж притормозил у ворот баронского дома, кучер дождался, пока откроют кованые створки, и неспешно подкатил к крыльцу. Но стоило де Вале выйти и подать, скривившись, руку жене, как из дверей выскочила служанка, бросившаяся в ноги баронессе, плача и тыча Ее светлости почти в руку что-то черное.

— Сеньора... боги, сеньора! Беда будет! Черная птица залетела... металась по кухне, порхнула в коридор, а там к спальням... А как ее схватили, так и сдохла тут же, вот!

Амалия глянула на растопыренные вороны крылья, свесившуюся набок голову с глазами, затянутыми мертвой пленкой, и упала в обморок.

Глава 11. Страх и суеверия

Мертвых птиц Генрих де Вале не боялся. Мало ли дичи бил на охоте, а потом приносил и съедал на ужин в родовом замке? И дохлая ворона в руках служанки вызвала в нем лишь брезгливость. Приказав отнести супругу в дом и призвать лекаря, барон одним движением руки велел выкинуть в выгребную яму чертову птицу и забыл бы об этом происшествии, если бы ему позволили.

Но боги даровали сеньору де Вале всего лишь три часа тишины, покоя и удовольствия, пока призванный доктор приводил в чувство баронессу, а сам Генрих стоял на конюшне, любуясь покупкой. Но стоило Амалии очнуться, как она потребовала позвать мужа. Бледная, как смерть, глядя на него расширенными глазами, полными слез, она горячо зашептала, протягивая супругу руку:

— Милый, дорогой мой... Это был знак... Неужели ты не видишь?

Она всхлипнула, и по тощим щекам поползли медленные капли слез. Если что де Вале не любил больше женских скандалов, так это женские слезы. Но Амалия только что лежала на земле во дворе так же, как лежала сейчас на постели, и пренебрегать ее состоянием доктор не советовал. Поэтому, призвав на помощь всю выдержку, он присел на стул у изголовья кровати и негромко ответил:

— Амалия, птицы летают, где хотят, и умирают, где придется. Не надо придавать такое значение глупым приметам.

Но баронесса продолжала плакать, и шепот ее становился все громче:

— Увидите, вот увидите, сейчас начнутся беды... И будет все хуже, все больше, а потом призрак...

— Боги, да за что мне это?..

Барон все же поднялся и решительно поправил край подушки, прежде чем выйти и бросить служанке в коридоре:

— Приглядывай за сеньорой, дура!

После этого обморока и слез жены, которая прежде никогда не лила их, предпочитая желчь, ночь у Генриха де Вале выдалась беспокойная. Одежда казалась тяжелыми и душными, в окно порывами залетал ветер, подвывал в дымоходах, а по полу в углах, кажется, шуршало и цокало как маленькими когтями. Заснул он только к середине ночи, когда непроглядная чернота не светлеет еще, а будто сереет немного, и маятная одурь все же утягивает бессонников в темноту. И проснулся барон с надеждой, что странный и неприятный день остался позади и унес с собой всю чушь, услышанную им вчера. Но увы...

— Это что еще такое?

Де Вале брезгливо скривился, глядя на рукав вычищенного и отпаренного камзола, что принес и подал ему слуга.

— Что это за... как ты смеешь мне дырявый камзол по-

давать?!

Слуга растерянно заморгал и тут же сунулся ближе, наклоняясь к самой полосе шитья по манжету, всмотрелся и отпрянул.

— Простите, сеньор... Я сейчас же другой принесу...

Но на руку барона он смотрел с настоящим испугом, а свои протянутые, чтобы снять с хозяина камзол, руки дрожали. Прикасаются к ткани он, похоже, боялся.

— Что еще? — Генрих нахмурился и дернул плечом. — Снимай с меня эту дрянь, живо! Да что с тобой такое, боги?

Обычно спокойный Жуан попытался спрятать судорожный вздох и принял камзол, стараясь держать его, похоже, только кончиками пальцев. И тут же поклонился глубоко, быстро откладывая одежду на стул.

— Ничего, сеньор...

— Врать не смей. Знаешь, что не терплю. Ну?

— Это... мыши. Погрызли.

— Ну и что? — барон и впрямь не понимал, что так напугало слугу.

Жуан помолчал, собираясь с духом, а потом все же посмотрел хозяину в глаза:

— Говорят, сеньор мой, что мыши едят одежду того, кто скоро... ну... понимаете, сеньор... Это вроде как, говорят, к этому самому...

Де Вале чуть не схватился за голову, отпихивая слугу.

— За что мне боги послали идиотов полный дом?!

Дальше день покатился спокойно вроде, и за делами де Вале постепенно стал забывать эту дурацкую историю. Но в доме пошли шепотки по углам, и как ни пренебрегал барон своими слугами, а не слышать этого еле слышного шороха не мог, как не мог не слышать обрывков слов: «Говорят же, неспроста...», «А ты сама видала?», «Да ты посмотри, перья-то той дохлой... у порога спальни нашли, а убирались там, богами клянусь!», «А мыши-то, мыши, зерна в кухне не трогают, а уж вторую рубашку попортили...»

Де Вале стоически старался игнорировать шепотки, терпел поражение в этих попытках и раздражался все больше. Но ведь прикажи молчать, так разговоров пойдет еще больше!

На четвертый день после этих чертовых мышей раннее утро барон встретил сидя на постели и глядя на пол. Разбудило его обычное желание облегчиться, на то и стоял у постели ночной горшок, но стоило ему спустить ноги на пол, как де Вале замер. Вдоль стены тянулись черные пятна, то ли от пепла, то ли от сажи, странные, полукруглые, он никак не мог опознать следы, пока не нагнулся ближе к полу. И тут же выпрямился, сжав губы. Можно представить, что кошка перемазалась в золе и наследила или, там, собака. Пробралась в комнату, а он не услышал во сне. Только вот ни кошки, ни собаки не оставляли полукруглых следов с раздвоенными выступами с одного края. Но ведь войди сюда ночью козел, де Вале точно проснулся бы, правда?.. И откуда, к чертям

собачьим, взяться в его спальне козлу?!

Разговоры вспыхнули снова. Служанка, убиравшая пол в спальне хозяина, мотала головой и шептала, что больше не пойдет туда ни за что: «Копыта-то, копыта, богами клянусь! Проклятое место теперь...» — и плакала, закрывая лицо передником.

Глава 12. За кулисами

В шатре было душно, но уютно. Старуха, приютившая Алексу и Тайлера, с первого же дня стала уходить посудачить с подругами, оставляя их развлекать зевак.

— Не знаю и знать не хочу, для чего вам маскарад этот понадобился. Но раз уж пустила, собирайте деньгу, и мне толику оставляйте, и живите тогда хоть век.

Век жить у гостеприимной хозяйки брат с сестрой не собирались. Но сейчас пристанище было что надо. Алекса с детства обладала острым глазом, влет видела страхи и чаяния, и язык без костей был кстати. Сразу распознав, зачем в палатку явилась та или иная баба или девка, она час за часом раскидывала карты, курила дымные свечи — и чихала от них под вечер — и говорила, говорила, говорила... И Тайлера без работы не оставляла. То утром, то вечером ему приходилось бегать, караулить, добывать, самому мастерить — ловить птиц и сворачивать им шеи, портить муку, перетирая катышки с пеплом и перемешивая с хорошей, белой, легкой, как пудра, точить из деревяшки козлиные копыта... Жизнь с его сестрой никогда не была тусклой и серой, сейчас она пылала факелом в ночи.

— Он ведь как баран упертый. Слышала же, как с женой говорил, как с тобой скандалил. Думаешь, получится?

Алекса, варившая похлебку в котелке на небольшом ко-

стре прямо за задником палатки на небольшом утоптанном клочке земли, сдула пар и сунула в кипящее варево ложку. Посмотрела на кусочек мяса, принялась и бросила обратно.

— Вот зараза какая, говорил, что барашек два месяца как родился и вчера прямо бегал. Засранец! Завтра пойду и прокляну его, боги видят!

— Алекса?

— А?

Тайлер усмехнулся. Сестра в роль ведьмы вжилась основательно, настолько, что удивилась, когда сквозь черноту вымазанных соком травы волос проглянули ее собственные, цвета гречишного меда.

— Ты меня слышишь вообще? Поверит, как думаешь?

Девушка в задумчивости поморгала и помешала похлебку.

— Тай, я на пустое время и силы не трачу.

— Он баран, — напомнил ей брат.

— Да, пробить башку ему непросто. Зато, когда поверит, исподнее с себя снимет, лишь бы спасли. Нет никого доверчивее, чем тот, кто только что не верил никому и ни во что.

Тайлер нахмурился и пожал плечами. Алексе виднее. Он не думал, что выгорит, но все деньги, которые им удавалось добыть, безропотно ссыпал ей в ладони. Вот уж ей никто больше не доверял, чем брат!

Когда кусочки мяса сварились до мягкости, а лук превра-

тился почти в густое желе в наваристом бульоне, они уселись к костерку, взяв две миски и пару кусков хлеба. Оставив две трети варева, для гостей и старухи Зиль, которая возвращалась теперь ближе к самой полуночи, чтобы поесть да завалиться спать в темном углу на старую лежанку. Они осторожно черпали ложками, дули, потом аккуратно схлебывали жирный бульон, жевали, вздыхали и молчали, наслаждаясь едой. В жизни было не так уж много удовольствий, чтобы пропускать хоть одно. И только когда миски опустели, Тайлер все-таки решился заговорить снова.

— Расскажи.

Алекса кусочком хлеба вытерла тарелку начисто, прожевала и посмотрела на него.

— Что?

— Ворон он не испугался, мышей травить велел, следы вымыть с песком, чем испугать думаешь?

Сестра забрала и его миску и отошла, чтобы сполоснуть обе, вытереть и поставить на место. Вернулась и села рядом, протянув ладонь к огню, глядя на него сквозь пальцы, словно рассматривала узор.

— Знаешь, братец, есть бараны, которых ничем не прошибешь, они в своей тупости верят только в то, что можно потрогать, трахнуть или съесть. Но для этого надо, чтобы у барана не было тьмы за душой. Только дело-то в том, что таких баранов и нету почти на свете. Всякий грешит, кто больше, кто меньше, а кто сверху вниз на людей смотрит, тот спо-

тыкается чаще.

Тайлер тоже уставился в огонь, жмурясь, как кот, тощий, но сытый и довольный. В словах Алексы была правда.

— Старые грехи оставляют длинные тени. Тенью его и поймаем. — Девушка улыбнулась брату. — Здесь в городе жила очень красивая девушка, совсем молодая, только что в юность шагнувшая. Простая горожаночка, но изящная, как цветок, доверчивая и нежная. Ее звали Лия. Год назад сеньор де Вале встретил ее на такой же вот ярмарке, купил у нее пряностей, которые ее брат привозил с юга, а потом вечером снова встретил, уже по дороге к ее дому.

Алекса снова замолчала, опустила руку и теперь смотрела на оранжевые языки, что в густеющих сумерках становились все светлее и ярче. Лицо у нее горело этим огнем, строгое и мрачное сейчас.

— Никто не знает, чем уж ее соблазнил барон, только она стала ему любовницей.

— Деньгами? — Тайлер глянув коротко на сестру и чуть подался назад под ее взглядом.

— Ее семья жила небедно, братец. И уж точно не деньгами он ее притянул.

— А чем? Колдовством?

Алекса хмыкнула с кривой усмешкой.

— Если любовь называть колдовством...

— Приворожил, что ли?

Девушка снова посмотрела на него и промолчала. И мол-

чала еще несколько минут, пока не вздохнула и не продолжила.

— Нет, братец. Она просто в этого козла душного влюбилась. А он ее попользовал, да и выбросил, как тряпку ненадобную.

— Откуда ты знаешь? О таком не рассказывают... — парень нахмурился и невольно пальцы сжал.

— Живые не рассказывают. А про мертвых и без слов все узнают. Всегда найдутся глаза пристальные, ушки на макушке, кумушки, которые все потом вместе соберут да просчитают. Да, Тай, Лия утопилась через два месяца после того, как де Вале прогнал ее со двора, куда она пришла просить милости. Говорят, ждала дитя.

В костре треснула ветка.

— Так что, когда по его душу явится тень, он точно будет знать, кто это и почему...

Где-то позади шатра мелькнула пара теней. Тайлер усмехнулся.

— Вечно одно и то же...

Его сестра приподняла брови, красиво очерченные, будто нарисованные.

— Ты против?

— Ты что... — Тайлер даже опешил и мотнул головой. — Я так... просто...

Алекса прищурилась, но улыбнулась. Она не сомневалась в брате, и вовсе не потому, что Тай боялся ее или что. Они

оба отлично помнили свое детство, и если брату не сразу приходило в голову, то девушка всегда и везде, где могла, оставляла и еду, и деньги для таких вот оборвышей, нищих, голодных — не взрослых, те могли о себе позаботиться. Она отдавала тем, кто не жил, а выживал: малышам, подросткам, юнцам. И те, словно чуя добро в ее руках и глазах, пробирались к ней голодными котятами всегда и везде, где бы она ни оказалась.

— Просто... Миски достань. И ложки.

Глава 13. Притон

В воровском притоне они прожили почти год. Корин человеком был злым, но учителем прекрасным. Алекса и Тай крутили тонкие нитки в косички, развивая ловкость рук, учились ходить и бегать бесшумно, прятаться чуть ли не на открытых местах, срезать кошель с деревянного дурака, обвешанного колокольчиками, чтобы ни один не дрогнул. Учил их вожак и менять голос, просить жалобно или почтительно, кланяться именно так, как любили сеньоры глубоко и униженно, примечая одновременно, где там у него кошелёк или кинжал, вот уж эта добыча была воистину невероятно богатой. Торговцы краденым воришек знали в лицо и по именам, своим давали хорошую цену, пришлым — гроши, и наживались на каждом, кто ступал на их порог. Но с богатой добычи и деньги давали богато.

Алекса и Тайлер поначалу видели с того совсем немного. Золото, серебро и медь летели в общий котел, из которого сам Корин раздавал деньги по собственному разумению. Но и тут на самом деле был честен. Пока их доля была мала, и получали чуть, хоть это «чуть» было всегда, теперь не приходилось думать, под каким кустом заночевать и что есть сегодня и завтра. А потом, когда Алекса стала быстрее и тише мыши, когда Тайлер научился заглядывать в глаза дамам особенно проникновенно, когда на рынке они добывали не

по одному тощему кошельку, а по два, а то и три, когда церковные кружки научились очищать в два счета, присев рядом, словно в смиренной молитве, и запуская пальцы в пожертвования прихожан, — вот тогда и доля их стала увеличиваться.

Корин растил себе не соперников и не смену, всех тайн воровского искусства никому и никогда не передавал. Но Алекса быстро поняла, что не только воровством перебивается это нищее братство. Баловались темными ночами и грабежом, лазали в дома, но больше всего получали не с этого, а с хитрых афер, на которые вожак был мастер.

Долгими вечерами Корин мог сидеть с приближенными ловкачами, что-то бормотать, объяснять и чертить на обрывках бумаги, которые после летели в огонь. А потом вдруг на день, два, неделю, и возвращался с настоящим золотом, монетами, которые складывали потом высокими столбиками на колченогих столах. Корин долго сидел и любовался тускловатым с жалком свете сиянием, а потом все же со вздохом начинал разбирать, отсчитывая, кому сколько. Так впервые брат с сестрой получили в руки золотой чеканки кругляши.

И чем дальше, тем сильнее становилось убеждение Алексы, что учиться нужно именно этому. Тайлер изумлялся, что сестричка научилась становиться почти невидимкой даже здесь, в сборе пройдох. Как будто везение ей отсыпали боги по самую макушку, и если бралась она за что-то, чего-то страстно желала, всегда находился способ это сделать.

Маленьким клубочком замирала Алекса в углу, к которому ближе всего усаживался обычно Корин с верными помощниками, и лежала, не шевелясь, укрытая серым оборванным плащом, да так, что и Тайлер даже в какое-то мгновение переставал видеть ее, хоть и знал, что сестра там. Девочка ловила каждое слово, и оно оставалось в ее памяти, будто вырезанное на пластинке металла.

— Мы останемся тут навсегда? — спрашивал ее иногда Тай, глядя на сестру немного растерянно.

Мальчик вовсе не хотел становиться таким жалким бродягой, каких видел вокруг. Пьяные оборванцы, гуляющие девки, силачи с пудовыми кулаками и куриными мозгами в голове — разве это те люди, среди которых им надо жить? Особенно Алексе, которая становилась все красивее и ярче.

— Что ты, братец, — шептала она, крепко сжимая его руку, и вздыхала, коротко глядя его густые волосы, — мы уйдем отсюда. Обязательно уйдем, вот только выучусь тому, о чем Корин шепчет вечерами, и в тот же день уйдем, верь мне.

Глава 14. Шалость удалась

Кабы в доме де Вале только козлиные копыта с толку сбивали, барон еще управился бы. Но через несколько дней охромел новый жеребец, только приведенный в конюшни. С утра слуга готовил его хозяину на прогулку, и вдруг конь пошел к крыльцу, припадая на переднюю левую, согнув бабку и подволакивая копыто.

Выслушав конюха, бледный от страха перед гневом барона, Жуан протиснулся в комнату к нему, тут же согнувшись в поклоне пополам.

— Что еще? Мне недосуг, я на прогулку собрался.

— Мой сеньор...

— Да что?

— Конь...

Генрих де Вале бросился на двор. Слуги шептались у задних дверей, выглядывали робко, подсматривая, как хозяин шупал жеребцу ноги, как тот взвизгивал зло, дергаясь, когда пальцы тревожили колено и ниже, как конюх пятился, что-то отвечая гневно хватающему его за рукав де Вале...

— Пропал жеребец, точно говорю, пропал как есть...

Барон поймал шепот, когда широко шагал в дом, чтобы переодеться и отправить слуг за кузнецом в лошадиных болезнях сведущим.

— А хорошо как только жеребец-то...

Барон обернулся резко, пытаясь узнать говорящего, но все стояли потупившись, глядя себе под ноги, неподвижно и тихо. С минуту он смотрел на всех белыми от бешенства глазами, но только закрыв дверь за спиной, отсекая любопытные взгляды, Генрих признался сам себе, что не только бешенство бушевало в нем. За грудиной, ворочаясь противной склизкой рыбиной, бился страх.

В тот вечер еще за обедом Амалия де Вале, старавшаяся вовсе сейчас не говорить с супругом и даже не глядеть ему в глаза, все-таки осмелилась почти прошептать:

— Генрих... Мне нужно сказать Вам...

Барон поднял на нее тяжелый взгляд. Обычно такое холеное и довольное, его лицо осунулось и посерело. Ночами Генрих спал плохо, все чудились какие-то шаги то за дверью, а то и прямо за кроватью, вдоль стены. Но стоило ему сесть, как все исчезало, и даже со свечой он ничего разглядеть не мог.

— Что, дорогая? — «Дорогая» прозвучало сипловато и резко.

— Зеркало...

Барон уставился в рыбье лицо, плотно сжав губы. Зеркала были редкостью, и своим, доставленным издалека, лошадьми по земле, долгим, но безопасным путем, он очень гордился.

— Что?

— Служанка вчера смахивала с него пыль, и все было хо-

рошо...

— Было?

Он задал вопрос, но ответ уже знал.

— Утром слуги увидели, что все стекло в трещинах... Нет, они не били! — Амалия вскрикнула почти болезненно, увидев, как багровеют щеки и шея мужа.

— Это я сейчас узнаю...

Стул отъехал с грохотом, а Генрих помчался допрашивать прислугу. Ничего, к слову, так и не добившись.

Но все решила эта последняя ночь. Тревожную пелену сна разорвал шепот.

— Генри... Генри... Проснись, Генри...

Шепот шел будто бы отовсюду разом, в комнате было совсем темно, но барону почудилось, что по углам тени становятся не просто густыми, а чернильно-угольными.

— Что еще за шутки?

Он хотел рывкнуть грозно, но только хрипло скрежетнул севшим голосом.

— Ты свою шутку пошутил со мной, Генри, теперь пришел мой черед...

Женский голос был юным и черным на вкус, от него горечь потекла по языку, а по спине поползли ледяные капли пота.

— Ты умерла.

Голос рассмеялся, по окну скользнула тьма, как руками взмахнула.

— Я умерла. И ты умрешь, уже скоро, совсем уже скоро. Завтра сдохнет твой конь, потом лихоманка заберет жену, а после и ты за ними пойдешь, ко мне пойдешь, я давно жду тебя, Генри, давно... Вода холодна, тело легкое, скользкое, гладкое. Тина по коже кружевами, вода синяя, и лицо синее, я так давно жду тебя...

Де Вале подскочил с постели, хватаясь трясущимися руками за огниво, метнулся к камину, но искры сыпались, не рождая огня, а голос все смеялся, смеялся и шептал про воду и темное дно, про смерть и мучения, про то, как сдавливают вода горло и грудь, как выдавливают жизнь...

— Я тебе говорила.

Алекса, смеясь, промывала и промывала волосы от черноты, стоя на коленях у реки. Вода, синяя, как небо, текла по ее локонам, по шее и спине, холодила сквозь промокшую рубаху, но ее это не волновало — высохнет!

Тайлер сидел на берегу повыше и просто смотрел на нее. Как выходит, что она всегда знает, что и как будет? Какие боги держат ее руку, направляя к успеху и почему? Не отвернутся ли в самое неподходящее время? Но Алекса смеялась, и черные думы улетали прочь, как утекала перепачканная травяным соком вода.

Слуга барона примчался на следующее утро прямо к шатру, распахнул всех, сунулся внутрь и потребовал гадалку пред светлы бароновы очи. И пусть Тайлер, который пошел за

сестрой, прикинувшись дурачком-служгой, не допущен был дальше дверей, но словно бы сам видел, когда она рассказывала, как благородный барон де Вале, содрогаясь от страха, как будто даже подвизгивая, потребовал снять проклятие с него и с его дома, как сыпал на стол и гадалке в руки драгоценные камни, и как Алекса головой качала: «Нет, сеньор мой дорогой, с камнями на меня проклятие Ваше перейдет, только монеты, монеты лица и души не имеют...».

Три тяжелых кошель — вот что принесла она с собой из дома барона. Три, и два из них осталось им, денег там было столько, что запросто не то что коней, они и дом бы себе купили, если б захотели. А третий Тайлер и Алекса честно разделили меж слугами дома де Вале, что не гнушались размахивать птицами дохлыми, сажей и пеплом пачкать полы и постель хозяйскую, ядовитой мазью ноги жеребцу натирать. И заслужили каждый медяк и каждый золотой, что и говорить. Братья — конюх и личный слуга барона де Вале — да конюхова жена, никто в доме не знал больше о плане Алексы, да больше и не потребовалось. Когда Тайлер, уже отдав кошель, спросил у Жуана, с чего тот с братом и невесткой согласился на авантюру, тот только хмыкнул:

— Нечего было брата моего пороть до полусмерти за кобылу в родах сдохшую.

Вот и весь сказ.

— Понравилось в Алгарде, братец?

Голос Алексы выдернул его из размышлений. Сестра сто-

яла над ним в мужском костюме, умытая холодной водой до пламенного румянца, с мокрыми волосами по плечам и улыбалась.

— Да. — Он улыбнулся в ответ, любуясь девушкой.

Та кивнула и собрала волосы в толстую свободную косу.

— Ну и будет. Нас ждет столица, братец. Поднимай свой тощий зад, нам пора!

Глава 15. В столицу

Если бы кто-то спросил Алексу, почему ее тянет все ближе к столице Бракеланда, она вряд ли смогла бы ответить сразу. Когда бежали из деревни, им с братом было все равно, где жить, лишь бы подальше от дома. Они переходили от одного крошечного городка до другого, то держались проторенных и заезженных дорог, то поворачивали к лесам и шли в глубине чащи и опушками, пока снова не набредали на деревню или город побольше.

Все было новое и яркое, все пахло и выглядело иначе. Другие лица, другие обычаи и слова — хоть Бракеланд был не сказать чтобы велик, а в провинциях и даже уделах жили по-разному, отличался и говор, и одежда, порой Тай округлял глаза, не понимая, что у него спрашивают на городском рынке, и Алекса смеялась.

— Мы с братом тут проездом, добрый человек, а что это значит?

Она всегда была веселой и искрящейся, рыжие прядки в медовых волосах, рыжие искры в таких ярких глазах, и ей отвечали тем же — добром и улыбкой. Алекса не знала, почему так, но пользовалась своей улыбкой так же ловко, как острым ножом на охоте или в драке. О да! Не Тайлер учил ее, как нужно уворачиваться и бить, а она — его. Видят боги, она это умела, да еще как! Но оружие его сестра использова-

ла только в случае нужды, чаще всего улаживала споры словами, и ей верили и готовы были присмиреть под ее взглядом и уступить. Тайлер думал иногда, отчего так, что подчиняет их в его сестре? Но не мог найти ответа.

Жизнь, другая, иная, затягивала их все быстрее. Скоро маленькие деревеньки стали казаться не новыми, а схожими одна с другой, вот город, город — это было что-то неизведанное! Не тот, что обнесен бревнами вдоль реки, чтобы не подмывала стену, нет. Тот, который строили из камня, ставили ворота, которые закрывали на закате и открывали с рассветом. Тот, где был управитель, гильдия купцов, большой рынок, на который съезжались из сел окрест. Тот, в котором праздновали весельем, танцами и жареными пирожками, приготовленными прямо на улице. Город. Теперь он манил их.

Родимая лесная глушь была в стороне от дорог, с той стороны, где Бракеланд граничил с мирным и тихим Кресау. Эта страна была богата холмами и солнцем, где отлично вызревал самый разный виноград. Кресау незачем было воевать, Кресау торговал и богател, а от притязаний на земли откупался втридорога и вчетверо потом поднимал цены на вино — сладкое, пряное, горчащее, ледяное и жаркое. И кто оставался от этого в проигрыше, был еще тот вопрос.

Но Алекса и Тайлер двигались в сторону Камаргара, блистательной столицы, а та располагалась ближе к землям севера. И сколь себя помнили жители Бракеланда, с северяна-

ми вечно шла война. Границы атаковали и защищали, отодвигали и возвращали, и если в какой год не вспыхивало никакого пожара, год тот считался воистину удивительным. Может, было бы лучше и не соваться туда, думалось иногда девушке. Но что-то незримо, но мощно притягивало ее к северу все ближе и ближе. И небольшие городки, а потом и города, уже казались не столь привлекательными. Обаяние и дерзость Алексы как будто крепили и расцветали, как расцветало вокруг все пестрыми цветами по лугам и зеленым, такой яркой и разной. Может, и правда, в Камаргаре было сердце мира, может, там все еще жила магия?

Ведь недалеко от столицы жил единственный в королевстве дракон, если, конечно, людям не лгали, и древний ящер на самом деле жил там. Ворота его замка открывались редко для торговцев и никогда на памяти живущего поколения для гостей, а если хозяин и выходил в столицу, то кто ж узнает дракона в лицо, когда он человек, ежели последний его портрет написали лет сто назад?

Если бы оборотни, которых поблизости от столицы тоже встречалось все больше, пожелали говорить с людьми, то рассказали бы, что дракон живет и здравствует, растит сына и лелеет обиду на царствующего короля. Что он по-прежнему выглядит крепким мужчиной, чей возраст не прочесть толком, и что, как и встарь, забирает под крыло свое все оборотничье племя. Короли Бракеланда, готовые верить в волшебство, не желали иметь дела с дикими полулюдьми.

Издавна оборотней травили и охотились на них, обвиняли, как и ведьм, во всех грехах и не гнушались убийством. Может, не так уж неправы были эльфы и гномы, оставившие страну без своего колдовства?

Но, как и встарь, была сила, готовая защитить собратьев, пусть низших, пусть слабых, но той же волшебной крови, что текла в жилах самого сильного оборотня — дракона. Защита всего государства была в когтях этого чудовища, перечить ему и преследовать оборотней означало не только лишиться защиты, но и навлечь на свои головы безжалостный огонь. Один из королей древности, Барген, прозванный Тупым, как-то поссорился с тогдашним стражем Бракеланда. От года сожжения восстановленная по камешку столица вела свою новую летопись, в которой имя Баргена Тупого было от души проклинаемо каждым новым летописцем, начинавшим свой благой труд.

Ни Алекса, ни Тайлер, ни многие их соотечественники не знали, что сердце мира и правда бьется там, где живет дракон Бракеланда. Остатки волшебного народа и самой магии тянулись к тому, в чьих жилах тек жидкий огонь. Те капли магии, что еще сохранились в обычной людской крови, не только стекались сюда, но и обретали тем большую силу, чем ближе оказывались к замку дракона. А значит — к королевской столице.

Глава 16. Взгляд в прошлое

— Держи ее! Держи, удерет сейчас!

— Хватай за подол девку!

— Косы ей выдрать!

Крики вспыхнули мгновенно, в лавке одного из торговцев, тут же выплеснувшись на улицу пенной грязной волной. Девчонка, выскочившая оттуда, метнулась, как мышь в ларе, дернулась было в переулок, но наткнулась там на стражника, лениво прогуливавшегося по мостовой. Услышав вопли, тот мгновенно подобрался, попытался цапнуть ее рукой в грубой кожаной перчатке, как рак клешней, но промахнулся. Девчонка рванула обратно к улице, но тут уже сбежались на крики люди, лес ног и ветки рук, словно в густой чаще, обступили бродяжку, кто-то схватил ее за руку, кто-то дернул за длинную медовую косу. Она взвизгнула, но и только, а потом выдиралась молча, остервенело, как звереныш.

Еще один вопль взвился над толпой.

— Врежьте этой твари, она кусается!

— Сучка, я тебе зубы выбью!

Какие-то мужики и даже бабы ринулись снова на девчонку, как свора собак на лису, откатали, снова рассыпавшись в круг, и оставили в середине торговца с порванным рукавом добротной рубахи и синяком на скуле, держащим бродяжку за волосы. Вывернул он ее так, что она топталась на месте,

откинув голову далеко назад и не в силах вырваться. Торговец зарычал и с размаху врезал свободной рукой девчонке прямо в лицо. Та вскрикнула, схватившись за нос, но тут же получила пинок в живот от стоящего рядом помощника. Торговец выпустил ее, девка покатилась по земле и получила еще один пинок от кого-то из толпы.

— Бейте сучку! Она у меня у меня прямо с прилавка схватила...

Толпа, смыкавшая постепенно плотнее, — ох, как все любят эти свары и мордобой, потом можно обсасывать каждую подробность и пересказывать, что дома за ужином, что и таверне с приятелями! — вдруг подалась в стороны. Тощий мальчишка с воплем кинулся к девчонке, распахивая всех локтями.

— Не тронь ее! Не смей!

Мужики загоготали гусями:

— Защитник, погляди-ка, соплей перешибешь!

Но мальчик кинулся, как дикий кот, готовый драться не на жизнь, а на смерть.

— Беги, дурак! — Девчонка крикнула ему отчаянно громко, а потом снова взвизгнула от тычка чьим-то сапогом в ребра.

— Я их убью!

Мальчишка ринулся на обидчика с кулаками и полетел в пыль, кувырнувшись чуть не через голову. К нему тоже протянулись руки, но тут гам перекрыл тяжелый, низкий рыча-

щий голос:

— Смелые все какие... Двух убогих покалечить... А ну, стой!

Люди замерли и снова расступились, пропуская не очень высокого, но плечистого и кряжистого, как дуб, мужчину с короткой полуседой бородой. Одежда его была простой и прочной, а на руках белели засечки шрамов.

— Она воровка! — голос торговца от возмущения дал пехоту. — Стража!

— За кого заступаешься, Томас? — Какая-то баба с корзиной зелени потыкала пальцем в обоих подростков. — Вору принято руки рубить, ты не знаешь?

— Знаю, знаю... — названный Томасом прогудел гулко, как в бочку, и головой покачал. — Что она там украла? Булку?

Торговец забубнил:

— С маком, сдобную!

— И сколько цена, три медяка? Ну, так держи. — Он порылся в кармане и бросил тому пару монет.

Торговец ловко поймал их на лету и завертел в пальцах.

— А как же закон, кузнец?! — Зеленщица, похоже, готова была плюнуть в девчонку желчью. — Для кого писан?

— Много ли закона голодных детей забивать?

Кузнец подошел ближе и вздернул на ноги сначала мальчишку, а потом протянул руку девочке.

— Поднимайтесь давайте. — И обвел всех взглядом. —

На поруки беру, своими деньгами заплачу, если что.

Толпа колыхнулась общим вздохом, и люди попятились, а после стали разворачиваться и расходиться. Томас устоял на обоих детей странно суровым и одновременно спокойным взглядом.

— Как звать?

Мальчишка глянул на девочку, и та ответила первой:

— Алекса.

— Тайлер, — тут же добавил младший.

— Что ж, Алекса и Тайлер, за мной идите. Сбежите — вам же хуже будет, останетесь — делу научу. Не всю ж жизнь воровать... Да и потом, куда побежите сейчас? Ливни идут, завтра небо обложит на неделю, сдохнете в лесу прятаться.

Он снова вздохнул и пошел вперед, не оглядываясь на подростков. Те переглянулись и отправились следом, стараясь не отставать и словно прячась в тени кузнеца от все еще злобно глядевшей толпы.

Дождь пошел, как и было обещано Томасом-кузнецом, под вечер, и зарядил сразу и надолго. Гадать тут нечего было, густо-серые тучи наплывали на город со всех сторон, клубились черными гребнями, как волнами на бурном море. Ветер, резкий и холодный, рвал листья с деревьев, бросал капли пригоршнями в свинцовые стекла кузнеца дома, огонь в горниле в мастерской отзывался ветру ревом, взмывая по трубе. Сколько Алекса и Тайлер собирались оставаться там, в тепле и холостяцком неуюте одинокого мастера, никто не

спрашивал. Небу плевать было на их планы.

Глава 17. У кузнеца

Дни побежали один за другим. Отоспаться, отъесться до-сыта, поймать совесть и отправить Тайлера нарубить дров для камина и принести пару мешков угля в кузню, самой взяться за веник, а потом и за опару — Алексе хватало дел. Спокойная уверенность и неспешность кузнеца как будто укрыла их с братом теплым одеялом, дала защиту и спокойствие. И так просто оказалось осесть и снова нырнуть в тот быт, в котором оба росли...

— Так глупо попались... — Тайлер вздохнул, глядя на сестру сразу и хмуро, и виновато. — Очень болит?

Он осторожно коснулся синяка, переливавшегося на скуле у Алексы всеми цветами радуги. Он уже сходил и багровый, и темно-лиловый цвета, уже сменился зеленоватым и желтым, а по краям и вовсе стал бледнеть, готовый исчезнуть.

— Не мы попались, а я попалась, — мрачно ответила она и потерла щеку. — Заживает... Почему ты не сбежал? Тебя забили бы...

— Это тебя забили бы! — Тай на мгновение возмутился, но тут же сбавил тон, опасливо глянув в сторону кузнеца, сидевшего у камина с трубкой. — Я должен был стоять и смотреть?!

Алекса тоже покосилась на хозяина дома и пожала плеча-

ми.

— Мы договаривались так... Схватят меня — беги и не оглядывайся, а я вывернусь как-нибудь.

— Дурацкий договор...

Томас вдруг громко кашлянул и добавил вдруг, словно слух у него был, как у совы:

— Дурацкая жизнь у вас, вот что я скажу. Зачем воруете? Алекса переглянулась с братом и ответила за обоих:

— А на что жить? Это ты нас почему-то в дом взял, а так-то никто кормить-любить не рвется.

— А родители где?

Кузнец повернулся, глядя через плечо. Дымок от трубки вился ему вдоль лица, заставляя смотреть с прищуром. Он побряхтел и повернулся боком, чтобы видеть подростков.

— Нет родителей, — твердо и быстро ответила Алекса.

— Понятно... — пробасил кузнец и уставился на них темными, почти черными глазами. — В дом почему взял? Потому что в тебе и брате твоём хорошая кровь видна. Хорошая. Я такое чую, огонь, знаете, сильно чутье-то обостряет. Никогда еще в человеке не ошибался, если дурной, так как гнилым смрадом от него тянет, если хороший — то хлебом, или молоком, или железом горячим... Вот как от тебя...

Он ткнул пальцем в Алексу, а Тайлер тут же подпрыгнул на лавке.

— А от меня?

— От тебя? — Томас затянулся, выдохнул густой и терп-

кий дым и покачал головой. — Глупостью от тебя пахнет, малой ты еще. Вырастешь — будешь сталью пахнуть.

У мальчишки загорелись глаза.

— Я буду воином?!

— Дорости сначала, там посмотрим...

Алекса вдруг решительно спросила, так же твердо, как про отца с матерью говорила:

— Ты нас потом прогонишь?

Кузнец подымил немного и головой покачал.

— Гнать не буду. Сами уйдете.

И отвернулся обратно к огню. Молчание затянулось. Алексе и Таю незачем было объяснять, почему они уйдут, и так ясно — лисиц в клетке не удержать, да и что им делать тут, ковке подков учиться?

— Уйдете, когда ремеслу научитесь хоть чуть, — вдруг добавил Томас, посмеиваясь, — и не только подковам... Спать идите.

Алекса распахнула от удивления рот, но кузнец снова задымил, на том объяснения свои и окончив. А после встал первым, погасил лампу и побрел к лавке, на которой устроил себе медвежью берлогу, и только догорающий камин остался мерцать багрово-алыми углями.

Глава 18. Раскол

— Зачем мы едем в Камаргар?

Лошади шли неспешно по хорошо укатанной дороге. Алекса не торопила своего жеребца, Тайлер подстраивал своего под этот плавный шаг. Время от времени их обгоняли повозки, крестьяне кланялись двум молодым сеньорам, хорошо одетым и на сытых гладких конях. Может, они и не дворянского звания, может, просто купеческие сыновья, но не грех и поклониться. Кто знает — сытые да богатые заносчивы и злы бывают, — кому хотелось плетью поперек спины получить?

Алекса довольно долго молчала, прежде чем взглянуть на брата.

— Мы хотели посмотреть мир. Разве нет?

Тайлер повел плечом.

— Тогда зачем нам нужен Камаргар? Поехали к югу, к морю, отправимся в плавание...

— Тай, Камаргар считают сердцем мира... пусть только здесь, но все же. Посмотрим на него сначала, а потом подумаем, куда поехать дальше.

На самом деле, в словах брата был смысл. Чем ближе к столице, тем дороже была жизнь. Два кошеля золота, на которые в провинции они прожили бы безбедно год, а может, и два, испарялись, как дым от костра. Но жить и дальше в

глуши Алекса больше не могла. Только не это! Можно, да, можно было бы осесть у какой-нибудь тихой реки, на окраине небольшого городка, а как станут деньги заканчиваться, сниматься с места и ехать добывать их у толстосумов-дураков. И снова возвращаться в домишко, к тихой речке и добрым соседям. Но так жить она больше не сможет. Она была слишком молода, чтобы остановиться, ее притягивали дороги и приключения. И в том, что брат сбежит от такой жизни, сверкая пятками, Алекса тоже была уверена. Не знала только сроков. Месяц, три, шесть? Не больше точно. А значит, и дорога им только одна.

И потом... Путешествуя с братом, девушка порой думала о том, что мужская одежда если не тяготит, то иногда будто давит, как чужая кожа. Юность была горячей и озорной, ей хотелось не только интриговать, воровать и обманывать. Ей хотелось нравиться, привлекать, влюблять и влюбляться! Глупое, ненужное желание, но то была ее природа, куда от нее денешься? В маленьком городишке такого не устроишь, там каждый на глазах весь божий день и не божью ночь. Нравы замшелые и жестокие, так и огня в окно получить будет недолго, если только Тай не женится, а она не выйдет замуж. Но представить себя замужней Алекса не могла.

Мать, всю жизнь гнувшая шею перед отцом, так и не отстоявшая своих детей, униженная и забитая, по-прежнему стояла перед глазами, и Алекса сделала бы все на свете, чтобы никогда, никогда не стать на ту же тропинку, не повто-

ритель материнной судьбы!

Но любви-то все равно хотелось... Большой город, а лучше — столичный, в котором народу столько, что и за год знакомого не повстречаешь, — вот это было по ней. Поэтому кони и рысили неспешно в сторону Камаргара, неся седоков навстречу судьбе.

Впервые в жизни Тайлер злился на сестру. Он понял это, когда они остановились в трактире на окраине столицы поужинать и снять комнату, как обычно, одну на двоих. Поначалу усталость давила на плечи, заставляя просто молчаливо смотреть, как Алекса заказывает ужин на двоих. Но горячая похлебка с обрезками мяса разгоняла кровь, как и пара глотков вина, и вместе с телом просыпался и разум.

— Ты сама видела, сколько осталось.

Разговор был начат не здесь, а за час до того, как они провели лошадей на местную конюшню и вошли в зал, где жарко пылал очаг и бурлил над ним котел. Девушка обтерла ложку холщовым платком, сунула его за пояс и принялась есть.

— Алекс? Ты не хочешь со мной говорить?

Лицо у Тайлера стало напряженным, скулы заострились, губы сжались. Сестра съела не меньше половины миски, прежде чем отложила ложку и взяла кусок хлеба, кроша мякиш и кидая кусочками в рот.

— Ну почему же, можем и поговорить, когда будет о чем.

— Ты сама говорила, что денег мало.

— Да. И что?

— Что нам они нужны, а значит, нужно выбирать еще одного... — Тайлер оглянулся через плечо, но в таверне никому не было до них дела, кроме хозяина, да и тот смотрел не в глаза им, а в кошель. — Еще одного дурня, чтобы обставить.

Алекса объела корочку серого ломтя и бросила ее в рот, тщательно жуя.

— И сейчас от своих слов не отказываюсь. Ты забыл, что я тебе говорила?

— А что ты говорила?

Алекса закатила глаза и выпила разом половину кружки. Пусть ей и хотелось быть женственной и нежной, походная жизнь оставляла свои следы, порой и грубые, и жесткие.

— Мне не нравится, что ты стал пропускать мои слова мимо ушей, Тай.

— Не понимаю, о чем ты, я всегда тебя слушаю...

— Значит, должен и запоминать! — Девушка нахмурилась и снова взялась за еду. — Я рассказала тебе, что хочу...

— Это долго! Долго и зависит от...

— Всегда, мы всегда зависим от других, если ты забыл!

Алекса наконец разозлилась и глядела на брата исподлобья, продолжая старательно пережевывать хрящ из горячего варева.

— Даже если ты тащишь кошелек из кармана, ты зависишь от того дурака, который тебе его подставил, — зашептала она еле слышно и зло, — от стражника, который отвер-

нулся в сторону, от мальчишки, который может нацелиться на тот же кошель.

— Это не то!

— Тихо ты...

— Это не то, — Тайлер тоже сбавил тон, перейдя на еле слышный шепот, — это судьба...

— Хрень все твоя судьба, случай — да, а судьбы нет.

— Зависеть от случая не то же самое, что от служанки в доме или босняка, которого нанимаешь для драки в кабаке.

Алекса вздохнула и покачала головой, положив ему руку на плечо.

— Ты всегда доверял мне, братец, доверься и сейчас, что тебе мешает?

Тайлер и сам не знал, почему вдруг ему понадобилось рваться вперед, зачем гнаться быстрее. У Алексы все получалось как надо, но боги, как же нервно было ждать, как хотелось разом все, сейчас, тут же!

Может, потому что в его крови была частица Саймона Лемменса, задавленная, тихая капля крови, шептавшая: «Ты главное, почему ты слушаешься ее? Она девка, место ее — там, где ты укажешь, ну!». Но любовь растворяла эту гниль, выгоняла прочь, оставляла только досаду, желание выкрикнуть: «Ну, я же хочу как лучше для нас обоих, Али!». И это было бы так глупо... Не будет он ничего говорить, он лучше все сделает, когда сестра ляжет спать. Она быстро засыпает, стоит ей только растянуться на тюфяке. И он ей докажет,

обязательно докажет, что уже вырос, что теперь и сам может ее чему-то научить, защитить и содержать. Докажет!

Глава 19.

Самодеятельность Тайлера

Компания за столом была пестрая и уже порядком пьяная. Здоровяк с щербатой улыбкой кривился, глотая степлившееся пиво, но карты раскидывал по столешнице исправно. Второй тип, сидевший от Тайлера по левую руку, все время хихикал и подливал тому вина. Третий мужик, худой и неприметный лицом, ловко перебирал потрепанные листы, бросая на Лемменса взгляды исподлобья.

— Ну что, парень, отыграл малеха, молодца! — Здоровяк стукнул кружкой об стол и сгреб свои карты. — Даже не знаю, играть ли с тобой дальше, обчистишь ведь...

— Удачливый, сволочь, — прогнусил тощий, морща нос. Тайлер не понял, что на его раскрасневшемся лице проступила глуповатая улыбка. Поначалу ему повезло, карты как надо летели в руки, ложились веером, горка монет перед ним росла. Но когда в азарт вошли уже все четверо игроков, удача от Тайлера отвернулась. То одной карты не хватит для игры, то вообще шваль на руках, с которой пойти и повеситься только, а не деньги ставить. Он мрачнел все больше и подумывал, чтобы уйти, забрав то, что удалось сохранить. Но тут ему выпали длинная масть и пара, и он отчаянно старался не смотреть в глаза здоровяка и тощего, чтобы не

выдать радости, и поднимал ставки как бы неуверенно, опасаясь, словно готовый отступить. И выбросил пару и масть почти гордо, залихватски шлепнув картами о стол и приосанившись на колченогом табурете.

Смешливый снова подлил всем вина и грустно протянул:

— Хватит с вас, братцы, смотри, как ловок... Да и ставить не будет больше, такие-то деньги... Не будешь ведь, жадный, небось, как и все такие...

Тайлер вспыхнул теперь от обиды и злости.

— Какие еще такие?! Я не какой-то тебе и не жадный! Эй! — Он завертел головой, отыскивая взглядом полусонного трактирщика, кемарившего за стойкой. — За всех плачу! Неси еще вина!

Тощий и здоровяк переглянулись, смешливый им подмигнул. Трактирщик с тяжелым вздохом полез за новым кувшином. Попался это дурак-щенок, только не понял этого еще. Но предупреждать его хозяин кабака не собирался. Этот — сегодня здесь, завтра там, а ему тут еще жить и жить.

Вино с ледника было холодным, кувшин запотел серебристыми каплями. Донышко стукнуло по скобленным деревянным доскам. Тощий сгреб со стола карты.

— Ну что, дашь отыгаться?

Тайлер обвел их взглядом, который сам мыслил пронизательным, и рьяно кивнул.

— Сдавай!

Алекса проснулась совсем ранним утром, в тот час, когда еще есть время до рассвета, а за окном серая мгла. Села на постели и удивленно сморгнула. Постель брата была пуста. Не сказать чтобы Тайлер был лентяем, вставал он легко и быстро, если нужно. Но когда нужда не гнала, поспать любил от души. Они вроде никуда не торопились, так зачем подскочил ни свет ни заря?

Девушка спустила ноги на холодный пол, потопталась немного и натянула одежду. Сердце почему-то было не на месте. Хорошо, как братец до ветру пошел, но кровать была как будто и не тронута вовсе. Никто тут простыни, конечно, не выглаживал до мягкости, но даже эти были словно и не смятыми вовсе. Алекса затянула пояс потуже, спрятала длинные волосы под шапку и пошла вниз по узкой скрипучей лесенке.

В кабаке было тихо. В такой час разве что беглый заявится с королевских рудников, кого еще и ждать. Девчонка-поломойка дремала на скамье у дальней стены. Взята за гроши работать, собственного угла она не имела и спала, где придется. И ничуть не лучше этой нищенки на скамье растянулся и Тайлер, только в другом углу, где привалившись плечом к плечу и голова к голове, спали еще двое мужиков, а третий уткнулся лицом в локти, сложенные на столе. Алекса осторожно подошла ближе и скривилась — на столешнице расплылись вонючие прокисшие винные пятна, кислятиной смердела и большая кружка с остатками пива на дне. Колода

засаленных карт валялась на самом краю, и девушка поняла вдруг, что у нее от страха холодеют руки.

— Тайлер, — позвала она негромко, еще не понимая, отчего так ноет в груди, почему она почти не чувствует похолодевших губ. — Засранец такой, а ну, проснись!

Тот завозился, накренился опасно с лавки, но успел упереться рукой и устоял на сестру расплывающимся взглядом. На губах появилась кривая улыбка.

— Але-е-екс...

Она пнула его кулаком в бок.

— Ты что тут делаешь?!

На голоса очнулся сначала тощий, а потом и подпихнутый его локтем щербатый здоровяк.

— А ты тут что делаешь, парень?

Даже вблизи Алексу запросто путали с парнишкой, а уж с пьяных и сонных глаз и подавно, и щербатый схватил ее за руку неожиданно цепко.

— Что, за братцем пришел? Или тоже поиграть решил? Так он уже просадил все.

Смешливый, тоже очнувшись на голоса, захихикал.

— Странно, что тебя на кон не поставил! Молодой, тощий, двуличный, небось, в работе спорый, да? Эка, да ты... девка!

Щербатый гоготнул в унисон — пытаюсь вывернуться, Алекса неудачно дернула рукой, и шапка сползла набок, выпустив волну длинных блестящих волос на волю.

— Че ж не ставил девку-то, а, Тайлер?

— Ничо, — заржал тощий и с треском челюсти зевнул. — Себя поставил, и то ладно.

Алекса, схватившая брата за плечо, замерла и обернулась.

— Ты что несешь, козел?

Щербатый расплылся в широкой улыбке и сунул руку за пазуху, вытаскивая сложенный лист бумаги. Толстые пальцы разворачивали его неспешно, а сердце у девушки словно падало и падало в пустоту, пока лист не расправился, показав в углу оттиск королевского герба.

— Война, девка, слыхала? Его Величеству нужны солдаты, вот так-то.

Алекса пригляделась и теперь почти помертвела: внизу страницы темнел отпечаток пальца, и она не сомневалась, что у Тайлера на руке увидит остатки сажи.

Глава 20. Только на тебя надежда, Алекс

В мире Алексы не было ничего привычнее слова «война». В сказаниях самых древних времен королевства и княжества появлялись и исчезали, их губили глупые правители, завоевывали страшные чудовища, защищали храбрые герои. Воевали люди, воевали гномы, эльфы, морские змеи и драконы. Не существовало народа, который бы жил в мире с сотворения тверди до сегодняшнего дня. Так было испокон веков, и почему что-то должно было измениться?

С мирным Кресау Бракеланд не воевал ни одного дня. Но, кажется, не было такого, чтобы он жил в мире с королевством Роделаг. Их скудная земля рождала мало и плохо, и северяне славились как мореходы, умеющие обуздать море лучше всякого иного народа. Но одной рыбой не прокормить себя, и уж тем более стада. А как жить в холоде без мяса и шерсти? Женщины Роделага были крепки и плодовиты, но дети умирали в колыбелях, и их отцы всегда смотрели на юг — туда, где текли широкие реки и шумели обширные леса Бракеланда.

Когда на троне сидел отец нынешнего короля, бои по границам поутихли. Оба правителя были стары и не рвались за славой кровавого завоевателя или безжалостного охраните-

ля. Но люди не живут вечно, и нынешний король в юности провел немало сражений на северных рубежах, пережив соседнего государя. Наступило еще несколько лет затишья, но потом в Роделаге подрос юный наследник и взялся за меч предков.

Потому вновь оседлали коней королевские рекрутеры и отправились по дорогам, и широким, и неприметным, — забирать по деревням бедных юнцов, которым и три медяка казались деньгами, сулить ратную славу тем, кто маялся в домах купцов, мечтая о подвигах, обманывать тех, кто попадался по пути в тавернах и кабаках, на постоянных дворах и рынках. Они ездили по двое, по трое, никогда по одному. Они запугивали, обманывали, жульничали, брали страхом или ложью, а иногда и вот так — игорным долгом. Мало ли дураков, не умеющих ни пить, ни играть, садилось за карты с ними, а поутру обнаруживали отпечаток собственного пальца на королевской грамоте.

И беда была в том, что рекрутские бумаги нельзя было ни подделать, ни исправить. Ничем не стирался след сажи внизу листа. То было немногое сохранившееся еще волшебство, и служило оно короне. Отныне и впредь, на много лет вперед, тот, кто поставил отпечаток пальца, принадлежал королю, обязан был нести воинскую повинность и идти в бой, куда бы их не отправили. Только одно могло спасти несчастного, попавшегося на крючок. Контракт можно было выкупить.

Об этом и подумала Алекса, когда стало понятно: ее бра-

тец проиграл все их деньги, но хуже того — и жизнь свою тоже. На северной границе разгоралось пожарище, и живым она брата не дожидется, девушка была уверена.

Щербатый гыкнул снова:

— Что устави́лась? Иди, собирай его вещи, дура.

Но Алекса повернулась к брату, толкая его в плечо раз, другой, третий, заставляя открыть глаза, а потом и очнуться, сесть на лавке, пусть и криво. На его лице все еще блуждала улыбка, но когда в глазах прояснилось, она быстро увяла, и Тайлер посмотрел сестре в лицо, побледневшее и острое.

— Алекс?.. Что...

В глаза сестры сгущалась тьма. Красивая зелень с отливом в темный янтарь почти исчезла, зрачок расширился, поедая радужку. Она повернула брата за плечо так, чтобы он увидел вчерашних своих сотрапезников и лист, лежащий на столе.

— Это ты мне скажи что.

В голове у Тайлера все еще плавал слоистый винный туман, а во рту было кисло и противно до одури, но улыбки мужиков напротив, уже подозревавших трактирщика и требовавших хлебной похлебки и пива, чтобы успокоить гудящую голову, заставили проснуться окончательно.

— Я... я играл вчера с ними.

Алекса плотно сжала губы и промолчала.

— Прости...

— Глянь, сейчас щенком заскулит и хвостом завиляет! — Тощий поржал от души и хлебнул пива.

— Ну, щенок щенком, чо... Как раз и натаскают как надо,
— отозвался щербатый и сунул ложку в миску, зачерпывая
вчерашнюю мучную разваристую тюрю.

Тайлер посмотрел на них растерянно и снова перевел
взгляд на сестру. Та все еще молчала, и глаза были мрачны-
ми и темными, как и ее лицо.

— Я играл и проиграл... Все деньги, кажется... Я хотел
быстро...

Алекса медленно кивнула.

— Все деньги. И еще кое-что.

Она протянула руку и ткнула пальцем в лист с отпечатком
его пальца.

Тайлер побледнел.

— Я не мог... я расписку... что отдам все...

Трое королевских рекрутеров заржали, толкая друг друга
локтями.

— Да, парень, нечасто нам такие дурни попадаются!

— Это... вы обманули!..

Но щербатый только отмахнулся, облизывая ложку.

— Поздно, паря, рука твоя? Твоя. Ты теперь королевский
матрос, так-то.

Алекса медленно опустилась на скамью рядом с братом и
установилась на щербатого мужика. Встреча с рекрутом сама
по себе страшна, но то, что сказал этот ублюдок, оказалось
еще страшнее. Если солдаты Бракеланда бились с северяна-
ми почти на равных, то на море гибли сотнями, не справля-

ясь с опытными мореходами и пиратами севера. Море было верной смертью.

Тайлер беспомощно смотрел то на нее, то на лист, который тощий аккуратно подтащил к себе и стал складывать, чтобы убрать за пазуху. Ему хотелось броситься на них, схватить хоть тяжелую глиняную кружку, разmozжить им головы, вырвать чертову бумагу из рук... Только все это было невозможно, бессмысленно, смерть королевских посланников не отменит его подписи, его все равно найдут и отправят нести службу, от магии не спрятаться...

Алекса, молчавшая и кусавшая губы, вдруг больно пихнула его в бок локтем.

— Иди морду умой и переоденься, от тебя свиньей несет.

Тайлер сполз со скамьи и, еще раз оглянувшись на нее, покорно пошел вверх — окунуться с головой в лохань и натянуть свежую рубашку, только второго дня постиранную в бурной маленькой речке. С каждым шагом ему становилось все страшнее. В животе свернулся противный ледяной ком, щупальца тянулись к горлу, опутывали руки, стискивали сердце. Его поймали, как дурачка, обставили три шулера, но плевать на деньги, они нашли бы у кого их взять... Он сглупил не на деньги, на собственную шкуру, и теперь мысли металась у него в голове, как дурные стрижи перед грозой, ища выход, но не находя. Боги, что теперь делать?... Может, Алекса... придумает... как всегда...

Глава 21. Триста золотых

Не оборачиваясь на брата, девушка молча рассматривала мужиков, сидящих напротив и увлеченно хлебавших и еду, и пиво. Они были довольны: помалу, по одному, по двое, так и набирались королевские войска. Везет, конечно, тем, кого отправляют подписывать договоры с должниками, сидящими в ямах. Вот там раздолье. А им каждого выискивать да подманивать. Но с этим парнишкой проблем не было, еще и монет заработали, и плевать, что передергивали карты!

Щербатый первым доел тюрю, смачно облизал ложку напоследок и уставился на нее.

— И чего пялишься? Поди братцу-дурню помощи. Вот семейка-то, от бати или от мамки дурь-то досталась?

Все трое заржали. Алекса медленно вдохнула и выдохнула. Тай ничего не придумает. Он не умеет так, одного взгляда на брата ей хватило, чтобы понять: Тай не помощник ей. Никто не помощник. Она опять одна против всего мира. Ну, не в первый раз она спасала его, выручит и сейчас.

Оглядев одного за другим, она посмотрела в глаза щербатому и негромко спросила:

— Монет у него в карманах было не так уж много. Может, мы с вами, сеньоры, договоримся о выкупе. Два дня — и я вам добуду, сколько скажете. По рукам?

Рекрутеры переглянулись, казалось, они без слов друг

друга понимают, может, так и было. Смешливый откинулся спиной к стене, ковыряя щепкой в зубах и щурясь.

— Даже и не знаю... Корабли-то, сама знаешь, принадлежат Его Высочеству принцу Валенсу. А он к своему ревнив весьма. Матросов не жалеет, а вот своего отдавать ой как не любит...

Алекса крепко сжала зубы. Если о Его Величестве Леокаре говорили как о человеке строгом, но справедливом, то о младшем его брате, принце Валенсе, слухи ходили разные, но все как один неприятные. Его Высочество был гневлив, резок, жаден и мстителен. И своего никогда и никому не отдавал, только прибирал к рукам чужое.

— Деньги, говоришь, достанешь?

Щербатый и тощий гоготнули, они ждали продолжения с явным удовольствием.

— Достанешь для нас сиськи из рубашки, может, и поговорим. Красивая девка, редко такие попадаются. Послужи за братца нам, тогда...

Алекса вспыхнула, зло скривив губы. Уж точно не в первый раз мужики тянули к ней руки, и денег предлагали, и заломать пытались, но она выбирала себе мужчин сама и уж точно продаваться не собиралась.

— Ты в жизни столько денег не видел, сколько мои сиськи стоят.

Она отрезала это брезгливо, и у мужика вытянулось лицо, а глумливая усмешка перекосилась в злобную.

— Да? Гордая какая, ты глянть. Между ног, поди, еще дороже? Высоко щелку свою ценишь, я смотрю.

— Как хочу, так и ценю.

— А жизнь щенка твоего дешевле, так, что ли?

— Что тебе моя щелка? — Алекса презрительно дернула губами. — За деньги сколько хочешь баб тебе будет.

— Сколько я хочу, тебе сил не хватит мешок дотащить, — захихикал смешливый.

Щербатый здоровяк глубоко вздохнул, притянул кружку ближе. Поболтал остатки пива на дне и протянул:

— Ну-у-у... Если ты такая недотрога, даже и не знаю... Принц нам за матросов доплачивает, когда мы договоры ему предоставляем. А так мы и от короля деньги потеряем, и от принца. Так что выходит... на троих... — Он в притворной задумчивости закатил бесстыжие глаза и выговорил как-то даже сладострастно: — Триста золотых монет.

Уж на что Алекса была готова к тому, что заломят они цену пожирнее, но это... Триста золотых, когда самый дорогой породистый конь в королевской конюшне не стоил больше сотни! Триста!

— Ты ума лишился?... — вышло только шепотом, и по щекам у нее поползли красноватые пятна.

— Да чего ж лишился-то? — Лицо у тощего вдруг стало каким-то звериным, больше всего похожим на хорька. — Ты что, девка, не знаешь, как Его Высочество радеет за свои корабли? И какое наказание ждет рекрутера, который догово-

ром сторгует? Да нам виселица светит, и кто из нас ума лишился? Не хочешь — пошла вон, не о чем нам говорить.

Алекса поднялась на ноги. Посмотрела на всех троих сверху вниз и кивнула, сжав кулаки.

— Триста.

— Неделя тебе сроку. — Щербатый широким жестом повел рукой. — Мы добрые сегодня! Правда?

— А то! — откликнулись его товарищи, усмехаясь.

— По рукам.

Алекса развернулась и пошла к лестнице на второй этаж, шагая с гордо поднятой головой и с прямой спиной, хотя хотелось сжаться, забиться в угол и взвыть.

Шаткие скрипучие ступеньки Алекса преодолела медленно, пытаясь выровнять дыхание и унять бешено бьющееся сердце. Им с Таем много чего пришлось пережить, но сейчас она впервые ощущала отчаяние. Любого человека можно обмануть, обвести вокруг пальца, обдурить, заморочить, уговорить. Магия жестока и беспощадна. Ее не обманешь и не окрутишь. И обещание, данное этим уродам, ей сдержать придется, потому что Алекса не представляла жизни без этого дурня, младшего и любимого брата. Она вытащила его из-под ножа отца, который рано или поздно обязательно зарезал бы или прибил и младшего сына, спасала его из передраг во время их путешествий, заботилась и учила не для того, чтобы Его чертово Высочество Валенс утопил братца, как

кутенка, на своей войне.

Триста золотых монет. Безумные деньги. Она и не видела такого никогда — разве что камни, драгоценные стекляшки, что стоили порой, говорят, куда дороже. Девушка была очарована, когда впервые увидела блеск настоящих радужных кристаллов, изумрудов и алмазов в Алгарде, на баронессе. Глупость несусветная — отправляться на торжище в драгоценных камнях, но эта курица, кажется, иначе и вовсе из дома не выходила. Что ж, если Алексе не добыть монет, то уж камни... камни — это другое, маленькие и легкие, незаметные в складках одежды, это был шанс. Там, в Алгарде, она сболтнула брату, что неплохо бы им сорвать королевский куш, но и не думала, что и правда придется... Что ж! Если уж Тая придется вытаскивать из цепких лап королевской гвардии, справедливо же будет, если заплатит за это Его Высочество! Решено!

Глава 22. После аферы

Столица Бракеланда влекла к себе разных людей и по самым разным причинам. Торговля, бойкая и выгодная, красоты старых королевских замков и сам королевский двор, целители, о которых ходила по королевству слава, конечно, но ехали сюда и за справедливостью. Она, правда, была доступна совсем не каждому. К нищему бродяге в Камаргаре она повернулась бы не только спиной, а прямо-таки задницей. Какой еще справедливый суд, если тебе нечем оплатить королевские пошлины, если ты никому не сват и не брат, если нет сильной руки над тобой? Только яму долговую и получишь, и сидеть там будешь, пока не внесет кто за тебя залог или не согласятся отпустить тебя на работы, в каменоломни, куда подальше, чтобы отрабатывал долг перед короной. Вот и вся тебе правда. Но ведь были и те, кому правосудие улыбалось ласково и вело за руку бережно.

Одним из таких любимцев и баловней судьбы был и барон Генрих де Вале, уж ему-то справедливости будет отсыпано с лихвой! Верил в это он сам, да и кто другой усомнился бы? Дальний родственник Его Величества — через троюродных дедов и тетушек, но все же, — знатный, богатый, знакомый с половиной рыцарей и благородных сеньоров Бракеланда, он рассчитывал на то, что жалоба его, принесенная к подножию судейской кафедры, будет удовлетворена немедленно.

История с мстительным призраком в душе и кошелье барона оставила глубокий и мрачный след. До того не веривший ни в одного призрака и ни в одно гадание, после истории с козлиными следами и тенью, прокравшейся в спальню, он уверовал с пылкостью неопита.

Долгий вечерний, перешедший в ночной, разговор с черноволосой и зеленоглазой колдуньей, дым, пахнувший смолами, карты и огонь, долгий речитатив наговора или заговора, барон не разбирался, — все это кружило голову и открывало двери в новый, неизведанный мир. В этом мире тени были столь же явны, как и окружавшие его люди, любое питье могло стать волшебным, а проклятие висело над головой, как черная туча, невидимая для обычных смертных, но такая явная для сведуших, говорящих с богами и духами.

Жизнь оказалась куда сложнее и страшнее, чем ему казалось...

Настороженная тишина воцарилась в доме четы де Вале. Слуги, до этого напуганные признаками близкой беды, сейчас ходили вдоль стен, еле слышно ступая. Его светлость барон де Вале после ночного заговора упросил чертову гадалку прийти и к нему в дом. Все двери были открыты настежь, хозяин вел девку в цветастой юбке и блузке с пышными рукавами по каждой комнате и коридору, заглядывая ей в глаза и ожидая приговора — оставит ли его теперь в покое мсти-

тельный дух?

А та шла по плитам двора и дома, как будто танцуя, серьезная лицом и с совершенно бесовскими глазами, блестевшими озорными искрами. Но окуривала терпкими травами каждый угол, пролила капли масла у постелей в спальнях супругов, пучки засушенных цветов подвесила у порогов, а после заверила Генриха де Вале, что теперь ничего дурного с ним не случится. А на следующий день, когда барон решил сходить и еще раз повидать гадалку, оказалось, что бродячие артисты уже собирали шатры, отправляясь дальше, на новые ярмарки, и того небольшого шатра, у которого сидела та девочка, уже не было и следа.

В поместье барон вернулся задумчивый и серьезный. Несколько дней за столом они с баронессой не вели почти никаких разговоров. Амалия смотрела, как муж все глубже погружается в задумчивость, о чем-то размышляет, хмурясь, и вина пьет больше обычного. А к концу недели Генрих де Вале вдруг заговорил с ней.

— Моя дражайшая супруга, Вы знаете, что всегда меня беспокоило в нашем браке. О чем мы с Вами говорили несколько раз, но потом отчаялись и оставили эти беседы.

Он посмотрел на жену серьезно и напряженно. Баронесса закусила губу. Она, конечно, знала... Амалия принесла своему супругу в приданое неплохие земли и замок, пару породистых жеребцов, подарок барону к свадьбе от ее отца, свой взбалмошный характер и два дивных ожерелья. Единствен-

ное, чего она так и не смогла принести мужу — это детей. Дворянский род без наследников — горе для прямых потомков и радость для любой побочной ветви, будь речь о короле или дворянчике из пыльного угла королевства, забытого всеми и обнищавшего. Про короля и речи нет, а их племянникам и двоюродным братьям пусть не деньги, но хоть титул бы достался, а титул в Бракеланде чего-то да стоит!

Глава 23. История проклятия

Но вот семью де Вале боги не наградили наследниками. Не то что мальчиками, но даже и девочками, и это угнетало и саму баронессу, и ее мужа. Годы в браке шли, и постепенно Генрих де Вале перестал надеяться на чудо, прикидывая, кому же отойдут его земли, замки и деньги — дальней родне, живущей на южной границе королевства, или бастарду, которого он, как отец, может, в конце концов найти и признать. В том, что парочка таких есть даже прямо в Алгарде, он не сомневался. Чертово семя крепкое, не выведешь. Должны были выжить, ну, хоть один.

И сейчас в жизни барона свершился такой переворот, что надежда на чудо снова вспыхнула у него в груди. Поэтому за обедом он и обратился снова к супруге, напомнив об их общей боли.

— Да, мой дорогой, — голос у Амалии был тихим и прерывистым, она до сих пор не простила себе бесплодия.

— После того, как тут побывала эта... особа... — Он все еще не решался называть гадалку гадалкой, хоть сам ее и позвал. — Так вот, мне стали приходить в голову разные мысли...

Амалия смотрела на мужа выжидающе и тревожно. Но барон на некоторое время притих, гоняя двузубой вилкой по тарелке остаток соуса.

— Так вот... — через пару минут он прокашлялся и снова поднял взгляд на баронессу. — Вы всегда были ближе, чем я, к этой стороне бытия, и я хочу спросить Вас. Может быть, что и отсутствие наследников у нас связано с каким-то проклятием?

Амалия замерла. Эта мысль мелькала у нее иной раз. Особенно, когда она вспоминала, как завидовала ей старшая сестра, которую выдали замуж за родовитого, но совершенно почти безденежного виконта. Родители посчитали, что земли его вполне подойдут семье, в них можно вложить деньги и поднять. Только вот доходы с них плыли совсем не в сестрин карман. Так могла ли ее проклясть собственная сестра? Еще как! Стоит только вспомнить глаза Гариетты, когда та прибыла с мужем на свадьбу к барону де Вале.

Поэтому ответила она негромко и сосредоточенно:

— Я думала об этом, муж мой, но не решалась сказать...

— Да! Да, я понимаю, — Генрих вскинул голову и почти яростно закивал. — Я был так слеп и резок с Вами! Но теперь... Теперь все изменилось. Вы же видите?

Амалия кивнула, растерянно заморгав рыбьими глазами.

— И когда я прозрел, быть может, мы сумеем снять проклятие, и боги наградят нас ребенком?

— О муж мой... — Баронесса всхлипнула, прижимая салфетку к глазам и роняя ее на колени. — Я не хотела говорить Вам, но о проклятии мне сказала еще в детстве одна из гадалок, которые появлялись у ворот замка моих родителей...

История была проста и незамысловата. Замок был небольшим, рядом ютились деревеньки сервов, и Амалия с сестрой частенько убегали за ворота, чтобы подразнить няньку и узнать, каков он — огромный мир за стеной их дома. И вот однажды, разыгравшись, они задержались до самых сумерек на лугу рядом с замком, их отыскала нянька и повела домой, распекая и браня, пока не слышат хозяева, все трое и столкнулись с бродяжкой в рванине, пытавшейся податься за ними в ворота. Сестер воспитывали в мыслях, что всякая нищенка им не ровня, и такие только даром едят хлеб, не трудом заработанный, а выпрошенный на даровщинку. И Амалия даже раньше Гариетты воскликнула: «Не лезь, грязная попрошайка! Никто тебе тут не подаст!» Нищенка остановилась и уставилась на нее небольшими глазками, блестящими и острыми, как у крысы, а потом захихикала: «Тебе тоже никто не подаст, сеньорита, не допроситесь, чтобы боги дитя подали!»

— Амалия, душа моя, почему же Вы не сказали мне этого? Ох, это же из-за меня, да...

Барон почти в отчаянии сжал руки. Оказывается, их несчастье имело такую ясную причину, и только его слепота мешала исправить это чудовищное положение дел!

Неделю спустя барон отправил гонца за четыре дня езды от Алгарда в сторону больших холмов, сплошь заросших лесов, где много десятилетий мирно существовал между трех святилищ белый ковен. Колдуньи эти считались са-

мыми опытными и сильными. Их призывали за немалые деньги, но охваченный страстным желанием получить наконец от жены наследника, де Вале был готов раскошелиться снова. И колдунья явилась. От цирковой ведуньи она отличалась всем: светлыми одеждами и светлыми волосами, степенностью шага и важным выражением лица, дотошностью и несколько отрешенным взглядом, который де Вале считал обращенным к высшим сферам, но на самом деле, глянь он трезвее, во взгляде колдуньи разглядел бы некоторое презрение.

Глава 24. Разоблачение

Два дня молитв и ночное бдение светлой ведуньи закончились долгим разговором с хозяином дома. Барону и баронессе велено было приехать туда, где ковен собирался на новолуние, и обещано провести ритуал, стоимость которого слегка оглушила Генриха, но не смирила рвения. Колдунья отбыла, увозя купчую на кусок родовых баронских земель. А супруги стали собираться в не самую близкую дорогу.

Хотя сундуки были уже уложены, экипаж подготовлен, а кони запряжены, путешествию состояться оказалось не суждено.

Барон стоял у окна в гостиной, когда в комнату зашла служанка. Обычно де Вале и не замечал их, ну, ходят, метут метелками пыль, выгребают золу из очагов, носят со двора на кухню битую птицу и овощи приносят с рынка. Но девица, проскользнув в дверь, не прокралась тихой тенью к камину, ничего не принесла и ничьих слов не передала Генриху де Вале, а замерла за спиной у него немного сбоку, почтительно сложив руки под передником на животе.

— Что тебе?

Барон был искренне удивлен. Он не мог припомнить, когда бы к нему смел кто-то вот так подойти, кроме Жуана, но тот был камердинером, и ему полагалось по чину.

Девица присела в реверансе и подняла на хозяина неболь-

шие круглые глазки, бегающие и, кажется, испуганные и странно торжествующие разом.

— Если барон позволит обратиться...

— Я тебя спросил, чего тебе надо?

— Ваша милость, я случайно услышала один разговор...

Ваш слуга Жуан и его брат, который служит на Вашей конюшне...

— Ты совсем дура? — Барон скривился, как будто разжевал горсть кислых муравьев. — Какое мне дело до разговоров слуг?

Девушка чуть попятилась и поморгала почти бесцветными ресницами.

— Мой добрый сеньор... Позвольте, все-таки... Это речь о Ваших деньгах... Мне показалось бесчестным то, что они совершили...

Вопль, с которым барон влетел в комнату супруги, был слышен, наверное, по всей улице. Генрих де Вале бесновался, он орал и бил кулаком по столу, сыпал обвинениями и угрозами, бешено брызгал слюной. Он довел баронессу до слез и криков в ответ, приказал запереть в подвале камердинера и конюха вместе с женой за чудовищный обман и покушение на баронское золото, хотя все трое отрицали это до последнего. Правда, сырой подвал и угрозы, с которыми приходил к ним сеньор де Вале, все же отрезвили сначала конюхову жену, а после и братьев. Все трое сознались в обмане и были отданы королевской страже для свершения су-

да над простолюдинами, укравшими хозяйское добро. Всех троих ждало скорое разбирательство и, скорее всего, казнь или ссылка, но барона это уже не волновало.

А волновало его то, что обманутый, обведенный вокруг пальца, уверовавший боги знает во что, он своими руками отдал Белому ковену свои земли. Потому, как только омерзительные воры и обманщики отправились в руки правосудия, Генрих де Вале велел закладывать карету, чтобы отправиться за справедливостью в самую столицу. Ведуньи Белого ковена никогда не отпускали того, что попало им в руки. Но обманутый и униженный барон решил все же приехать ко двору, чтобы требовать возвращения своих земель.

Он отправился в путь, горя жаждой мести, и прибыл в столицу. Всю дорогу Генрих де Вале размышлял о том, к кому обратиться с жалобой, и за день до того, как карета пересекла городскую стену, решил, что все же направится не в королевский дворец, а в резиденцию Его Высочества принца Валенса. Его Высочество был крут норовом и к ведуньям относился с глубокой неприязнью, тогда как Его Величество Леокар с ковенами, как и с любимыми орденами, жить старался в мире и согласии. Пожалуй, король мог бы и отказать барону, а вот принц, тот наверняка поддержит, и уж под его покровительством и Его Величество решение примет то, какое необходимо было барону де Вале.

Прием во дворце принца знатному гостю оказали приветливый. Принцу Валенсу нравилось, когда к его, а не королев-

скому двору, прибывали владетельные сеньоры, когда его, а не королевского покровительства искали богатые и знатные люди страны. И ничего не было удивительного, что отдохнувшего с дороги барона на следующий же день ждали на вечернем приеме и ужине, который давал Его Высочество принц Валенс.

Всю дорогу барон тщательно обдумывал, с какой речью и когда он обратится к Его Высочеству, но все хитроумные планы полетели к бесам, стоило ему только подойти к дверям в обеденную залу, где принц собирал приближенных и гостей, удостоенных ужина с ним.

У самых дверей барон вдруг остановился как вкопанный и вдруг кинулся по коридору, неожиданно ловко и быстро, и ухватил за руку одну из служанок. Девчонка еле слышно шипела и упиралась, но Его милость барон втащил ее в залу и, дернув со всей силы, крутанул и свалил на пол прямо к ногам изумленного принца.

— Мой дорогой барон, — принц Валенс усмехнулся, вздернув брови, — это что, Ваш подарок к ужину?

Гости дружно грохнули хохотом. Шутки при дворе принца бытовали незамысловатые, хотя сам Его Высочество был человеком довольно острого склада ума и чрезвычайной ядовитости.

— Мой принц! — голос де Вале звучно раскатился под сводами залы: — Не знаю, как во дворец Вашего Высочества попала эта девка, но богами клянусь, она мерзкая воровка

и обманщица! Она обманула и обокрала меня, и я требую справедливости.

— Воровка? Обокрала Вас, милый де Вале?

Взгляд принца стал острым и чуть насмешливым, со стула он поднялся легко и подошел, глядя на девицу неожиданно внимательно.

— Обманщица и воровка? Эй, забрать ее под стражу! Я разберусь позже.

Его Высочество Валенс с улыбкой повернулся к барону.

— А мы все же отужинаем, дорогой друг, а потом и поговорим с Вами.

Де Вале проводил ту самую «гадалку» ненавидящим взглядом и склонился в поклоне.

— Как угодно будет Вашему Высочеству.

Принц сделал приглашающий жест рукой и глянул на дверь, за которую стражники увели служанку. На его губах змеилась тонкая улыбка.

Глава 25. Разведка

Проникнуть во дворец Его Высочества, младшего брата короля, оказалось не так уж и трудно. Если ты решаешь что-то сделать, твердо и окончательно, способ всегда найдется. Алекса это знала наверняка. И он нашелся. Встретить на рынке зеленщицу или молочницу, у которой покупают съестное для кухни Его Высочества, покрутиться пару дней рядом, присмотреться, кто приходит утром за зеленью или сливками. Да и поймать поваренка, а лучше служанку, помочь ей редкую травку найти для кухарки, поболтать о жите-бытье, взять жалостью, на рассказы о несчастной своей жизни, о том, как попала с матушкой и братом в большой город, как матушка померла, а теперь бы пристроиться куда сироткам. А то ведь матушка — чтобы помнили ее внуки и правнуки! — служила при дворе не последнего человека в предместьях Камаргара, одного из баронских племянников, как их, бишь, матушка-то называла... Только вот не сиделось ей на месте, подалась в столицу за отцом, которого отправили с товаром, да не нашла его и померла от горевицы за три дня, и вот теперь мыкаются дочь да сын сиротами, а ведь она умеет так много, да как бы пристроиться в хороший дом, не подскажешь, добрая девушка?..

А доброй девушке-то что? Припомнила, что недавно одна из служанок забеременела невесть от кого из гостей Его

Высочества, да и выгнали ее к бесам от двора подальше, а руки во дворце ой как нужны всегда. Да сиротка такая уж приятная, и столько сплетен городских знает, а то где их и собрать-то, если целыми днями сидишь безвылазно за высокой стеной, только и видишь, что котлы и кастрюли, только и бегаешь по комнатами, да постели перестилаешь. И не поболтать ни с кем вот так, с кем-то новеньким, да еще таким умненьким, как эта сирота зеленоглазая. Так почему ж и не привести к кухарке девушку, почему не подсобить в горе таком?

Ну, а уж попав за стены замка, нетрудно было и переметнуться в горничные, показав кастелянше ловкость в застилании постелей, умение платье чистить и обувь натирать. Что Алекса и сделала, получив доступ в покои хозяина. Бегать серой мышью по дворцу оказалось увлекательно. Слуги, что слуги, кто их видит, кто замечает? Вот пробежала серенькая тень к сброшенному в кресло камзолу, подхватила и исчезла с глаз долой, чтобы утром тот камзол, вычищенный и отпаренный, снова был сеньору подан. Или покрывало, вот сегодня хозяин на него в сапогах пьяный завалился, а к вечеру, когда он в спальню вернулся, и следа грязи на нем нет, и постель свежая, и снова хоть голышом спи, хоть как свинья валяйся.

Будь то баронский особняк, конечно, новую служанку бы заметили, может, не в первый же день, но вскоре. Но дворец принца Валенса был огромным, он уступал лишь коро-

левскому, да и то, как посмотреть, по словам самих слуг. Часть дворцовых прихвостней всегда была при Его Высочестве, но так-то и другие гости приезжали и отбывали без счета — просители, прихлебатели, искатели приключений, — и где тут за гостями-то уследить, а уж за служанками... Потому Алекса и не боялась, скользя по коридорам в скромном сером платье и белом переднике, с убранными волосами и с опущенными глазами, прижимаясь к стенам, когда мимо проплывали дамы или чеканили шаг сеньоры или стража. Стражи тут, к слову, хватало. Затянутые в кожаные колеты, опоясанные мечами, они шествовали по коридорам дворца, сменяя друг друга, глядя на всех, кроме Его Высочества, холодными глазами. В первый день Алекса подумала, что дело плохо, такие ничего не пропустят и из лап у таких не вырваться, если что. Но ее подруга, младшая кухарка Бельда, только рассмеялась:

— Это они для Его Высочества строят грозных... Принц им хорошо платит и желает видеть неподкупных вояк. А как сменятся, так в караульной пьют и в кости режутся, словно бродяги последние, подальше от них держись, пьяные любую служанку поймать могут...

Вот она и держалась подальше от них, зато поближе к покоям самого принца Валенса. Сокровищница королевского брата по слухам была роскошной. Провинции, принадлежавшие принцу, слыли богатыми, земли — плодородными, и в руках Его Высочества был почти весь флот страны, исполь-

зовал же эти корабли принц Валенс не для битв с северянами, — о нет! — куда больше его судов отправлялись прямоком на юг и привозили пряности и шелка, дорогие масла и изящные поделки южных мастеров, которые создавали изумительные вазы, равных которым не удавалось сделать больше никому. Редкостью они были огромной, ведь изготовить вазу в человеческий рост хоть и не просто, но не так чтобы невозможно, а вот дальше... Дальше южные мастера-волшебники отправляли их на дно моря и оставляли на десятилетия. Ракушки, водоросли и моллюски облепляли стенки сосуда, оплетали, каменели на них, и ни одна ваза не повторяла другую, как ни одна ветка дерева не повторяет растущую на любом другом дереве мира.

Алекса скользила, как летучая мышь во тьме, по комнатам и залам дворца и видела те самые вазы, что стояли в гостиной и приемной Его Высочества у самого очага, и драгоценные ткани, которыми драпировали его покои, и сложнейшую чеканку кубков, и филигранную отделку боевых клинков. Все это было кричаще дорого, но кубок, который можно было бы сунуть под передник и унести, не стоил трехсот монет, а шпаги, что стоили втрое больше, простой девке невозможно было бы продать на улице. Кто возьмет в руки такое оружие и не спросит: «И где ж ты взяла его, красавица?» Нет, так рисковать Алекса не могла. Ей нужно было добыть камни, и камни, еще не вделанные в кольца или ожерелья, ведь на таком очень легко было бы попасться городской страже, только

свистни торговец, только позови их и заяви, что, мол, девица краденным торгует. И вовсе не обязательно было бы ему предъявлять то самое ожерелье, которое бы она принесла. Достаточно было подсунуть и что поплоче, что не жаль отдать стражникам. Зато дорогое, воистину королевское украшение припрятать и продать потом втридорога... Она знала все эти штучки, ведь и сама бывало... Ладно, что об этом думать сейчас?

Но больше всего ее развлекали все эти люди вокруг. И не слуги, эту породу она знала хорошо, да и сама по сути не так уж далеко от них ушла. Но богатеи — настоящих, подлинных, что могли все что угодно в королевстве купить и продать, таких она впервые видела так близко и впитывала, запоминала благородные жесты и манеру разговора, умение держаться и вести беседу. Зачем? Алекса и не думала, такая была ее природа — все подмечать и запоминать. И было бы забавно задержаться тут подольше, если бы не висело петлей для висельника над ней неделя, данная на спасение дурака-братца.

Глава 26. Под замком

— Воровка, значит? А глянь как порядочной прикидывалась!

Один из стражей со смешком тряхнул девушку за плечо, а его напарник загоготал жирным гусем:

— Кто сказал, что порядочной? Служанки-то не каждая и третья-то приличные!

— Но уж вору-то сами боги велели!

Алекса и пикнуть не успела, как один из стражей рванул ее снова и прижал спиной к стене у самой решетчатой двери, ведущей в клеть под запором. Но не успел он прихватить ее под бедра, как она завизжала, пронзительно и резко, замала руками, хватаясь за его одежду, дергая во все стороны, пинаясь коленями, отбиваясь локтями. Опешивший страж дворца сначала пытался перехватить ее руки, но когда ногти Алексы прошлись ему по щеке, просто с размаху вlepил оплеуху, от которой девушка полетела на каменный пол.

— Вот гнида!

Он пихнул дверь, решетка противно закрипела, и стражник заволок бесчувственную девушку, бросив снова на пол в камере. Отряхнул руки, пнул носком сапога в бок и вышел, матерясь сквозь зубы:

— Запри эту тварь...

— Ничего, Гай, посчитаемся с ней еще.

Напарник похлопал его по плечу и со звоном защелкнул замок.

— Пошли, вином промоем...

Сапоги загрохотали по коридору, и наступила жутковатая тишина.

Его Высочество Валенс Уфласский, обладавший титулом по имени самого крупного своего удела, сидел перед камином в своем кабинете, вытянув к нему ноги, крутил в руках ополовиненный кубок сладкого пряного вина и размышлял. Подумать было о чем.

Самый титулованный среди знати королевства, неизвестно, не богаче ли самого короля, Его Величества Леокара Бракеландского, своим положением принц Валенс был недоволен. Его давно не радовали новости о том, как отлично уродился скот в дальней провинции и как много пряностей привез очередной корабль. Да, золото было важно, деньги были властью, как и связи родовые, кровные или же приобретенные. На золото покупались войска и верность владетельных сеньоров, золото обороняло города и кормило вкусно и сытно, позволяло одеваться в шелка и спать на пуховых перинах, не считая, сколько возов дров уходит в камин и очаги дворца как столичного, так и любого из ему принадлежащих. Но кровь Его Высочества давно будоражило совсем иное.

Была власть выше денег, власть, дарованная богами — так говорили в народе. На трон возводила кровь, наследствен-

ность, и тут спорить было не о чем. Его старший брат Леокар был первенцем, ему и предназначались корона и скипетр после смерти их отца, как и в любом случае, когда царственные особы обзаводились сыновьями. И когда Леокар, тогда еще принц, а не король, женился, а супруга его произвела на свет мальчика, Валенс понял, что между ним и троном пролегла расщелина. И чем старше и крепче становился наследник Леокара, тем глубже и шире становилась эта пропасть. Потом умер их отец, старый король, и старший брат взошел на трон, еще немного, и племянник Валенса женится и нарождает щенят, и тогда все будет кончено. Его Высочество в бессильной злобе желал своей родне черного моря, что унес бы всех, кроме него, но изменить ничего не мог... или мог?

Судьба поспешила принцу навстречу раньше, чем смутные, черные планы, бродившие в его голове, стали из призрачных реальными. Наследный принц, развлекаясь с приятелями в поездке верхом, затеял скачки наперегонки. Благословите боги того жеребца, что, прыгая через узкий овраг, взбрыкнул так, что юный Джоссе вылетел из седла и сломал себе шею, мгновенно погибнув. Жеребца, правда, прикончили на месте, но жизни сыну Леокара это не вернуло.

Когда известие достигло дворца Валенса, тот покинул застолье и удалился в свои покои. Это приличествовало случаю, но совершенно не вязалось с чувствами Его Высочества. Придворные шептались, что смерть племянника сильно расстроила принца, но Валенс и не думал об этом, мечась

от камина к постели и обратно, подхватывая перья со стола и роняя их под ноги. Трон, возделенный трон снова оказался на расстоянии вытянутой руки. Для принца было скверно, что Джоссе почти вошел в возраст. Он радовал короля и королеву здоровьем и перспективой скоро увидеть внуков. Но теперь, после его гибели, что? Его Величество, совсем уже не молодой годами, как и его драгоценная королева Элен, вряд ли смогут обзавестись еще одним наследником. И это значило, что теперь корона перешла бы — естественно! — к брату короля, Его Высочеству Валенсу.

Тому жеребцу надо было бы ставить памятник! И когда корона окажется на его голове, Его Высочество непременно принесет жертву каким-нибудь лошадиным богам. Кто-то очень любопытный и бесстрашный мог бы спросить, почему же принц Валенс так рвется положить себе на голову искусно выкованный и богато украшенный обруч. И получил бы, может быть, ответ: величие страны! Увы, как и многие юноши королевства, Его Высочество грезил войной. Но не для ратных подвигов и славы великого мечника, стрелка или стратега. Бракеланд казался Его Высочеству лишь малой долей того, чем должно ему обладать. Выставить могучие заставы по северной границе, заключить с этими дикарями соглашение и направить соединенные войска в сторону юга — вот какими грезами были окрашены сны Валенса.

И сейчас, со смертью племянника, все это могло сбыться! Если бы не одно «но».

Глава 27. Когти Кулвиратта

С древних пор, никто уже и не помнил каких, в королевской сокровищнице Бракеланда хранился могущественнейший талисман — браслет из когтей птицы Кулвиратт. В древности ценили не только амулеты удачи, призывающие золото или обеспечивающие верность. Воинское счастье было нужно, конечно! Но куда важнее были наследники. В то время, что было куда суровее нынешнего, жизнь любого детеныша ценилась необычайно высоко, если уж он не помер во младенчестве. Если в семье простого рыбака не оставалось сыновей, то лодка вполне могла перейти и к мужу дочери, мир от этого не перевернулся бы. Но королевские семьи — дело совсем иное. Отдай королевство мужу дочери — и что выйдет? Любой дурак это поймет!

Браслет же, надетый на руку главы рода, обеспечивал того наследником, но не только. Он хранил сына от болезней и бед, от безумия и слабости, от нищеты и голода. Он берег младшую кровь и позволял ей дожить до того мига, когда он будет назван мужчиной и сможет зачать собственного ребенка. Именно этот могущественный талисман сейчас бы спас Его Величество, подарил ему еще одного сына и помог бы новому наследнику дожить до возраста, когда можно будет вступить на престол.

Но вот незадача... Порядком лет назад, когда Джоссе

только родился, старший наследник затеял королевскую охоту во славу наследника. В лесах королевства водилось множество зверья, но для венценосных особ особенной дичью издавна считался королевский олень, обязательно самец, сильный, с короной не менее девяти отростков. Охотиться на таких запрещалось всем, кроме семьи правителя и тех, кто был приглашен. И вот ловчие выследили такого зверя. Их отцу немедля доложили, а Леокар тут же собрался на охоту, прихватив с собой порядком придворных, в том числе и брата Валенса.

Они гнали королевского оленя долго. Зверь оказался хитрым, пролетал поляны, ломился в чашу, перебегал ручьи, сбивая собак со следа, но все же Их Высочества держались все время вместе и обогнали и ловчих, и придворных, следуя за несколькими борзыми, цепко державшими след. Основная свора сбилась и повела придворных в сторону, видно, самец помельче перебежал след старого рогача, и собаки понеслись по более свежему следу. Лес вокруг братьев вдруг из густо-зеленого превратился в темный и неприветливый, по листве зазмеились странные растения, напоминавшие серебряно-золотые шнуры, на стволах мелькали росчерки когтей, которые оставляют обычно хищные звери. На миг взглядевшись в лес, принц понял, что они пересекли границу окрестностей Камаргара и оказались в лесах, окружавших замок Ларидж. Не самый большой и богатый с виду, стоящий вроде на отшибе от больших дорог, Ларидж был знаменит не толь-

ко в Бракеланде. В этом замке жил единственный в стране дракон, и то были его владения.

Впрочем, драконы Бракеланда никогда не стремились во-евать с королями страны. Напротив, дракон считался са-мой надежной защитой земель, ведь королей и принцев яще-ры-оборотни считали живущими в *их стране* из драконьей милости. А захватчиков драконы не терпели, будучи ревни-выми и жадными от природы.

Потому братья продолжали гнать оленя, пока тот не выле-тел к небольшому озеру и не затоптался у нескольких дере-вьев у самой кромки, не закружился на месте, отбиваясь от собак. Два кобеля и сука прыгали вокруг, отскакивая от уда-ров мощных копыт и грозно склоненных рогов. Оставалось лишь дать псам вымотать самца, чтобы тот вывалил язык, остановившись. Тогда точно пущенная стрела пробьет ему горло, а клинок довершит дело. Когда олень уже начал зады-хаться, движения его замедлились, от шкуры как будто по-валил пар от того, как взмок зверь, на губах появились хло-пья пены. Псы наседали все яростнее, но Леокар свистнул, и свора отступила. Олень замер, а братья подняли луки.

— Вместе, брат мой? — светло улыбнулся наследник пре-стола. — Разделим добычу, как положено добрым братьям?

Валенс растянул губы в хищной улыбке, глаза у него ярко блестя. Но в тот самый миг, когда стрелы были спущены, словно из-под земли рядом с оленем выросла женщина, по-пытавшаяся схватить его за рога и дернуть в сторону, уводя

от удара... и одна из стрел пробила ей грудь, а вторая царапнула по боку, уйдя в сторону.

Принцы тут же бросились к ней, но было ясно — красавица в серебристом, как туман, платье, отделанном серебряными и золотыми шнурами, мертва. Братья переглянулись и побледнели оба разом. На руке у красавицы было кольцо с драконьей головой...

Леокар считался лучшим стрелком в королевстве, а потому не возникло и сомнений, что именно его стрела убила эту женщину, оказавшуюся женой дракона. Шептались, правда, что меткость принца Валенса подвергать сомнению тоже не стоит, но стрелы были одинаковыми, королевскими, а младший брат лишь печально качал головой, когда заходил разговор об этом несчастье, отводя глаза, и негромко обрывал вопрошающего: «Забудьте, милостивый сударь, забудьте... Достоинство короны...» И шепотки стихали.

Гнев дракона был ужасен. В тот же вечер над столицей небо закрыли огромные крылья, рев ящера сотрясал стены дворцов и домов. Столбы черного дыма рванули в небо на окраинах, когда дракон впервые пустил огонь у самой городской стены. Он поджигал улицы и дома, сужая круги над Камаргаром, пока не завис прямо над королевским дворцом. И лишь когда из него выбежал сам король, упавший на колени на глазах у всего народа и поднявший на двух руках меч, объявляя о том, что сдается и просит милости, ящер спустился с небес, приземлившись на самой большой площади перед

дворцом. Обращение было ужасным, на мостовую плеснула прозрачная обжигающая жижа, рассыпались веером чешуйки с боков и груди, острые, как ножи, пластины, от драконьего рева, рвущегося из горла человека, по рукам и ногам покрытого более мелкой чешуей того же стального с алым отливом цвета, снова как будто сотрясся весь город. Глядя на коленопреклоненного короля, дракон молчал. Все, кто волей судьбы оказались на площади, жались к стенам домов, и смогли увидеть, как дракон наконец шагнул вперед и схватился рукой за острую сталь, и королевский меч — гордость династии — расплавился и распался пополам, залив каплями кипящей стали булыжники мостовой.

А после дракон и король проследовали во дворец.

Люди в королевстве, передавая весть об этом несчастье из уст в уста, говорили, что ящер опустошил всю королевскую сокровищницу в уплату за смерть супруги. Но на самом деле Его Величеству удалось откупиться самым драгоценным сокровищем — знаменитым браслетом из когтей птицы Кул-виратт. Драконий наследник тоже был мал и слаб, оставшись без материнской силы, даже под крылом дракона он мог и не дожить до совершеннолетия, когда в драконьих детях просыпается родовая магия. Браслет дракон унес с собой, снова взмыв в небо над столицей и на мгновение закрыв его крыльями.

И вот теперь, когда уже король Леокар лишился сына, талисман нужен был ему как воздух. Но принц Валенс вовсе

не желал, чтобы тот его получил.

Его Высочество глубоко вздохнул и протянул руку к колокольчику, вызывая слугу. Воровка, которая решила залезть к нему во дворец, так ловко обведшая вокруг пальца де Вале. Ведьма, за которой, видимо, тянулся длинный след всяческих приключений. Она пригодилась бы ему...

— Приведите эту девку.

Валенс бросил это небрежно и вздернул брови, когда слуга вдруг поклонился так низко, как только смог, и прошептал:

— Ваше Высочество... Мой принц... Она бежала...

Глава 28. Тень прошлого

Боль от побоев Алекса стерпела стойко. Можно подумать, ее никогда не охаживали кулаками и пинками не награждали! Правда, стражники были умелыми, да и кованые сапоги — вовсе не крестьянские мягкие ботинки. Но не убивать ее привели, значит, все кончится рано или поздно, главное голову спрятать и живот закрыть, а ребра... ребра заживут.

Ничего удивительного в том, что на нее позарились эти мужики, не было. Живая и яркая, Алекса всегда влекла к себе жадные взгляды и не менее жадные руки. Право сильного и бессилие слабого были такими же привычными, как холод зимой и дожди осенью. Сумеешь защититься — будешь цела. Не сможешь, ну, сама виновата, что разгуливаешь одна, ни мужа, ни брата, ни слуги с собой позвать не догадалась. Даже шайка парней тебя, бродягу, не прикрывает. А значит ты добыча для каждого, кто пожелает.

Но она не желала быть добычей. Выросшая рядом с тираном-отцом, нахлебавшаяся насмешек и обид подростком, наслушавшаяся рассказов о женской судьбе, — откуда она только взялась такая? — не терпевшая оскорблений... Стоило стражнику прижать ее к стене спиной, Алекса кинулась в атаку. Кошка мала ростом, но ее когтей и ярости даже медведи пугаются. Правда, кошки бьются так за детенышей, а девушка дралась за саму себя. Но бешеной злобы от этого

меньше не становилось. Хорошо, что стражи во дворце носили колеты, а не стальные латы, и надевали их, только заступая в дозор на стенах дворца. А кожаный бок можно и коленом пробить, добравшись до незащищенного толком живота. Острые локти отлично били в грудь, а пальцы впивались в шею и волосы, как рыболовные крючья.

Правда, все имеет свою цену, и Алекса расплатилась за свой бунт ударом по голове и беспамятством, в котором была бессильна и беззащитна. Благо, стражникам было сейчас не до нее...

Тишина подземелья была обычной — здесь никогда не бывает подлинного безмолвия, если это только не каменный мешок, выкопанный так глубоко, что воды ближайшей реки текут у тебя над головой. Здесь же шелестел за крошечным окошком ветерок, где-то медленно и размеренно капала вода, а прислушавшись, можно было разобрать и почти неприметный топоток — мыши и крысы всегда водились во всех человеческих жилищах, и дворцы принцев, да и королей, исключением не были.

Алекса завозила на холодном полу, подтягивая ноги и садясь. На ней так и осталась одежда служанки, и сейчас она осматривала надорванный рукав, подранный чулок, перепачканную юбку — все ерунда. Не об этом сейчас надо думать, совсем не об этом. Чертов барон, принесла же нелегкая его сюда и именно сегодня, хоть бы парой дней позже! Но что теперь...

Теперь главное вырваться, убежать, любой ценой, потому что иначе платой станет ее жизнь. И жизнь Тайлера заодно. Мысль о брате вдруг дернула ее как зубной болью — тягуче, беспощадно и безвыходно. Этот дурачок прожил бы без нее, конечно. Прибился бы к приличной девке, женился, хоть и безденежный, но мужские руки всегда нужны, тем более что в руках этих и умения имелись. Но то, если бы не контракт в солдаты победоносной армии Его Величества.

И тут же, вспомнив про умения брата, вспомнила и того, кто в их руки — и ее тоже — вложил и ловкость, и быстроту, и уверенность. Томас...

Жизнь в доме кузнеца только первые несколько дней казалась Алексе и Тайлеру простой передышкой. Поесть и выспаться без страха, что пнут или обворуют, заберут последние гроши, что нападут и изнасилуют Алексу, что не зарежут с обиды, не пойми какой, брата. Пригреться, отдохнуть, придумать, куда двигаться дальше, чем жить и к чему стремиться. Но вот прошла неделя, а ноги все не шли за порог, хоть Томас их не держал, ни к чему не принуждал, ничего не требовал и даже не просил.

Алекса сама мела пол и готовила, Тайлер таскал уголь для горна, рубил для очага дрова, носил воду из колодца. И с каждым днем дом казался им все привычнее, чуть ли не роднее. Хотя на этой мысли Алекса себя обрывала всегда: какой родной дом, забыла, дура, какой он у тебя был?! Но тут

взгляд падал на Томаса, спокойного и даже добродушного, хоть и не скажешь, взглянув мельком, и сердце ее странно сжималось. От кузнеца не ждалось подвоха и подлости, ни обидного слова, ни злого взгляда, ни угрожающего жеста, и это было так странно...

Глава 29. Уроки доверия

— Почему ты пустил нас к себе, почему вступился?

За ужином Томас обычно сидел на одной стороне небольшого стола, а брат с сестрой на другой. И сейчас кузнец поднял на нее взгляд, сосредоточенный и чуть удивленный.

— Не хотел вашей смерти, я уже говорил. Не веришь?

— Никто ничего не делает просто так. — В это Алекса верила безусловно, потому и слова вышли грубоватыми и горькими.

Томас прокашлялся, как всегда гулко, и вздохнул.

— Думаешь, когда от меня подлости ждать?

— Да.

— Алекс! — Тайлер дернул ее за рукав рубашки, смущенно глядя на хозяина дома.

— Ничего, парень, ничего, — тот успокаивающе махнул рукой, — твоя сестра, как и ты, много видала в жизни, и не больно-то хорошее, как я понимаю. И сомневаться имеет право. Но я вот, что тебе скажу, девица, есть вещи, которые человеку должно исполнять, если он не хочет гневить богов. Имеешь много — помоги другому, искусен в чем — найди ученика, видишь обиду над немощным — заступись...

— Мы не немощные! — на этот раз Тайлер первым возмущенно чуть не выкрикнул, опередив сестру, собиравшуюся сказать то же самое.

Томас протянул грубую тяжелую руку, иссеченную белыми штрихами шрамов от огня и металла, и тронул его за плечо.

— Нет, парень. Вы крепкие и стойкие, что ты, что сестричка твоя. Но силы уж больно неравные были, согласишься. Вот я и сделал то, что для своих детей бы...

— Отцам дела нет до детей, поэтому слова твои — ложь!
— Алекса распрямилась, как отпущенная тетива, и вздернула подбородок.

Томас смотрел на нее, не двигаясь, не улыбаясь и без злости. В глазах, пронизательных и будто всеведущих, была искренняя печаль, какой трудно было бы ожидать от такого медведя.

— Вон оно как. Ну, я так и подумал, девочка, что с отцом вам жилось трудно. Но вы давно не с ним. И отцы, поверь, бывают очень разные.

— Все злятся и бьют!

— В твоей деревне так было?

— Так везде было и есть!

Тайлер притих, глядя на распаленную сестру, которую никогда не видел такой яростной, а кузнец снова вздохнул.

— За дело можно и по заднице хворостиной, бывает. Но отец тебе защитник и учитель, вот как оно бывает, Алекса.

— Я не верю!

— Не верь. Но запомни, опасно не верить в то, что существует, еще опаснее придумывать себе что-то несуществующее.

щее и строить свою жизнь в соответствии с придумками.

Алекса прикусила нижнюю губу и помотала головой.

— Вот я и не верю. Опасно придумывать, что такие бывают, и верить в это!

Томас зачерпнул последнюю ложку похлебки, съел и отодвинул плошку.

— Спасибо, вкусно готовишь.

Алекса хмыкнула.

— Что, нечего сказать, Томас-кузнец, и я права?

— Поживем и увидим... Отдыхать пора. Завтра в кузню рано.

Он поднялся, а за ним встала и Алекса, собирая посуду. Тайлер сидел тихий, как мышонок, и смотрел, как кузнец собирается на ночлег.

— Зачем ты с ним споришь все время?

Она только плечом дернула.

— Все врут!

И ушла мыть миски.

Но оказалось, что вдали не все.

Кузня была просторной, но казалась небольшой из-за пытящего и ревающего горна, множества инструментов и кусков железа, от лохани с водой и наковален. Всего казалось очень много, слишком, чересчур. Тайлер не понимал, как Томас так быстро все находит в этой горе железяк. Но кузнец управлялся со всем легко, словно щипцы и молот са-

ми прыгали ему в ладонь. Он плавил металл, ковал бруски, окунал в воду, от которой взмывали под потолок густые клубы пара, он казался здесь повелителем огня, и мальчишку это завораживало.

Алекса пришла сюда не сразу. Но в доме порядок наводить до блеска кузнец не требовал, да он вообще ни о чем не просил! — и, в конце концов, она тоже стала наведываться в кузню. Ее влекли запахи, непривычные и... вкусные. Огонь пах солнцем, окалина, летевшая из-под молота, чем-то кисловатым и дымным, пар оседал на губах вкусом соли и пепла. Но не было в этом дыму и пепле ничего, что грозило бы ей или брату, и она снова и снова пробиралась в кузню, усаживаясь в уголке и глядя, как Томас размеренно бьет по подкове или лезвию косы, как вздуваются мышцы на сильных руках, когда он вытаскивает очередной раскаленный брусок из адского жерла печи, как тонко звенят молотки поменьше, когда он наклоняется над наковальней, чтобы подправить что-то, незаметное ее глазу, короткими мелкими движениями...

Казалось, что Томас в те минуты переставал быть человеком и становился тем странным магом, о которых раньше слагали легенды. Знающий человек сказал бы девушке, что мастерство кузнеца и правда не без волшебства, только вот никто о том не знает, даже сам кузнец. Знали то огонь, металл да горн. Подковы, что ковал Томас, не снашивались и за год, замки не ржавели под дождями, латы точь-в-точь садились на хозяина, словно кузнец отливал их по меркам и

сшивал, как портной ткани.

Алекса чужая эта странность, и пыталась разгадать, что такого необычного в нем, здоровенном и грубом на вид, с сердцем, в котором она не могла распознать ни зла, ни обмана...

Глава 30. Секреты кузнеца

— Твой брат уже кует подковы, как будто в подмастерьях у меня годами ходил.

Томас, улыбаясь широкой улыбкой, подхватил щипцами изогнутую железку, сунул в воду и показал Алексе. Тайлер, покрасневший от жара, смущенный и довольный, смотрел на сестру почти застенчиво. Она протянула руку и опасно коснулась самого краешка подковы. Она была выкована ровно, красивым изгибом, бороздки шли точно посередке, дырки для гвоздей располагались друг от друга на одинаковом расстоянии. Такой работой Тай и правда мог гордиться, и она тоже заулыбалась ему, а потом и обняла, грязного, вспотевшего, но счастливого, как ребенок, поймавший первую рыбу в пруду.

— Мой брат талантливый и сильный, правда, Тай, не красней!

— Руки у тебя что надо, парень, — кивнул Томас, а потом глянул на его сестру. — Ну, а ты в чем ловкачка, девица? Алекса пожала плечом.

— Подкову вряд ли выкую.

— Тяжелый молот для мужских рук, да. Но и тебе работа нашлась бы... Смотри.

Кузнец отложил подкову и пошел куда-то вглубь кузни, зашуршав и чем-то загремев там. Обрато он пришел, держа в

руках ящичек, окованный железом и с крепким запором. Поставив его на стоящий у стены маленький стол, Томас осторожно отомкнул замок небольшим ключом, который снял с шеи.

— Ой, какой маленький! — Тайлер удивленно смотрел на ключик, простой с виду, но со странной резьбой бородки. — А если он вдруг потеряется?

Томас хмыкнул и приподнял брови.

— Плох тот кузнец, что запора не отомкнет без ключа.

— Неужели молотом? — У Тайлера даже рот приоткрылся от изумления. — Она же... расплющится...

Алекса фыркнула.

— Ты дурачок!

Томас покачал головой.

— Он просто не знает, как это сделать, зачем обзывать брата? Ты сама знаешь как?

Девушка повела плечом.

— Конечно! Нужна спица, согнуть ее и...

— Хм... — Кузнец задумчиво посмотрел на нее. — Пробовала уже?

Алекса замялась, но тут Тайлер чуть подпрыгнул на месте.

— А что там?

Томас пару секунд еще рассматривал его сестру и потом откинул крышку с простой чеканкой. Глубокий ящичек оказался застелен чистой тряпицей, на которой лежал... сначала Алекса даже не поняла, что это. Чудесные тонкие веточ-

ки причудливо изгибались, образуя что-то похожее на венок, листочки обрамляли их густо и изящно, а рядом с некоторыми проглядывали бутоны.

— Это... розы?

— Не похожи? — Кузнец улыбнулся и достал вещицу, положив на мозолистую ладонь.

Покинувшая темноту ящичка, она оказалась выкованной из серебра брошью — свитыми в венок плетью роз. Листья словно готовы были затрепетать, а бутоны раскрыться, и оба подростка уставились на брошку, изумленные и потрясенные.

— Кто это сделал? Ты?!

Алекса отмерла первая и смотрела на кузнеца огромными зелеными глазами. Томас усмехнулся снова.

— Ты думала, что тот, кто расплющивает молотом меч, не управится с тонкой веточкой?

— Если б ее можно было выковать одним ударом — и не сомневалась бы! Но это... тебе служит Малый Народец?..

Томас мотнул головой.

— Они давно ушли в леса вместе с эльфами. Малый Народец никто не видел столетия, да и, будь они тут, служить не стали бы.

Тайлер протянул руку и осторожно дотронулся до листочка.

— Это для прекрасной леди?

Кузнец улыбнулся, на этот раз немного ехидно.

— Это для богатой дамы. Ее муж принес серебряных монет и заказал подарок для нее.

Алекса смотрела, не отводя взгляда. Тонкие извивы металла, резные листья, смотревшиеся шелковыми лепестки — это восхищало, завораживало, притягивало... Разве какая-то богатая клуша поймет, сколько в этом красоты и тонкости, какое это искусное творение? Зато за него Томас получит много монет и заживет безбедно, ведь, умея делать такое, он всегда сможет получить не серебра, а золота, сколько пожелает...

— Научи меня!

Это вырвалось само собой, неожиданно, и Алекса даже сделала шаг назад, когда кузнец посмотрел на нее.

— Это же... я смогу ведь так же? Для этого не надо большой силы? Да?!

— Поглядим... А пока... — Томас осторожно убрал брошь в шкатулку и закрыл. — А пока, Тайлер, принеси-ка пару спиц, они во-о-он там...

Затеяв драку со стражем, Алекса не только отстаивала девичью честь, но и надеялась вытащить у них ключ, но все вышло слишком сумбурно и быстро. Вот когда пришла пора возблагодарить богов, что служанкам во дворце принца Валенса приказывали ходить с гладко убранными волосами!

Сунув руку в туго заплетенный узел волос, девушка вытащила длинную шпильку. Деревенские девки сами делали

такие из дерева, но эти — эти были выкованы ей самой и служили верой и правдой уже который год. Что ж, послужат и теперь!

Она подобралась к двери и уставилась на замок. Тяжелый и с виду солидный, он был прост, как сплетенная малышом корзинка. Алекса принялась раскрывать шпильку и отгибать один ее конец в сторону. Простой замок, простой ключ. Железо скрипнуло о железо, и девушка принялась поворачивать шпильку из стороны в сторону, чутко слушая и ушами, и пальцами, пока язычок внутри замка не щелкнул обессиленно и послушно.

Вот и все! Бежать!

Глава 31. Игра в прятки

— Бежала? Отлично. Девка, сама бегущая в подвал, — это прекрасно.

Принц Валенс усмехнулся, хотя за этой усмешкой явно ощущалась злоба, готовая вспыхнуть мгновенно, как кора в очаге. Слуга согнулся еще ниже, чуть-чуть — и обхватил бы руками колени.

— Она... сбежала, Ваше Высочество...

Принц повернулся к нему всем телом и уставился злыми, быстро светлеющими глазами.

— Что?

Гневливость принца была всем известна, как и безжалостность, с которой он назначал наказания за проступки. Но тут уж куда деваться, доложить пришлось, как есть. А было так: спустившись, чтобы проверить, пришла ли в себя воровка (а может, еще для чего, никто не спрашивал), стражник Гай обнаружил, что дверь камеры приоткрыта, а паршивки нет и в помине. Замок валялся на полу, открытый и бесполезный.

— Ведьма... — только и сумел выдохнуть стражник, прежде чем бегом рвануть в закуток, где смена обычно играла в кости и пила пиво, забот с заключенными прежде не бывало никаких. Но не в этот день...

— Что?

Слуга затрясся под взглядом сеньора.

— Девка оказалась ведьмой, Ваше Высочество, она сумела вызвать злые силы и отомкнуть запор...

— Не пори чушь! — обычно ехидно-сдержанный, принц вскипел злобным шипением, отшвыривая попавший под руку бокал.

Дорогое муаровое стекло всхлипнуло, грохнувшись о стену и разлетевшись мелкими осколками.

— Ведьма заколдовала замок?! Или стражнику дала, чтоб тот отпер?! Сюда этих мразей, что ее упустили, живо! Перекрыть выходы из дворца немедленно! Найти эту тварь и приволочь сюда!

Слуга исчез быстрее, чем принц Валенс закончил свою короткую речь. С глаз долой, пока Его Высочество не принялся карать виноватых и невинных заодно, ему разницы не было. Что не по его — виновны сразу все.

Приказ был передан мгновенно. И в ту же секунду два стража помчались в подвал, чтобы притащить неудачников, заперших зеленоглазую воровку, другие стражники рванули к выходам из дворца, чтобы перекрыть их. Слуги, что не готовили еду, разбежались по комнатам, прочесывая одну за другой в поисках беглянки. Несколько парней покрепче и пошустрее выскочили из дворца, обегая ближайшие улицы и расспрашивая, не видал ли кто девки в одежде служанки принца, с медовыми волосами и зелеными глазами, которая бежала бы или пряталась где-то. Пара слуг, что служили Его

Высочеству тайной канцелярией, серыми мышами скользнули в закоулки, где сидели их обычные поставщики данных с низов столицы — нищие и попрошайки, что жили вовсе не на медяки, которые им кидали в ноги добрые горожане, а исправно получали почти что жалование от принца Валенса. Такому иной слуга в доме победнее еще позавидовал бы!

Но все усилия оказались напрасны, Алекса как сквозь землю провалилась.

Когда замок мягко щелкнул, девушку охватила радость и азарт. Да, положение было почти что отчаянным, но это всегда будило в ней предвкушение схватки с противником, не отчаяние беглеца, а охотничий раж лисы, удирающей от охотников и готовой схватить сунувшегося поближе пса, если тот отбилсЯ от стаи, а уж увести от стаи — это Алекса умела!

Благо, она быстро привыкала к любому дому, цепкая память услужливо рисовала ей расположение залов и комнат, коридоров и закутков, где хранили оружие, продукты и вино, одежду сеньоров, постельное белье, лошадиную сбрую, запасы пороха — все, без чего не обходился ни один большой замок.

Первым делом Алекса легким шагом, подобрав юбки, пробежала по коридору мимо пустующих камер — если и были еще пленники, то сидели они или дальше в глубине подвала, или вообще этажами ниже, но им помочь она не

смогла бы никак, — и прошмыгнула по лестнице вверх, замерев неподвижно при звуках голосов из комнатухи, где отдыхали, пили и играли стражники.

— Как думаешь, Его Высочество не захочет устроить парад для Его Величества, когда придет время первой летней охоты?

Голос был низким и сиплым, мужчина закашлялся тяжело и густо. Второй ответил, кажется, стукнув кружкой по столу:

— Его Величество не то чтобы охоту жалует, забыл?

— Это да, но все-таки...

— Чего все-таки? Еще только снова дракона нам не хватало над городом!

— А ты видал? Видал его? Говорят, он спалил кучу домов, еще больше когтями и крыльями порушил, короля лапой в булыжники чуть не втоптал...

Этот голос был молодой и чуть визгливый, и Алекса поморщилась, делая маленький шагок ближе к этой двери. Хрипатый отозвался, снова закашлявшись:

— Ты больше бабкиных сказок слушай, дурак!

— Молодой еще, вот и плетет невесть что... — успокоил его второй страж. — Он-то не видел, а у страха глаза велики, его еще малым в колыбели, поди, стращали драконом нашим...

— Ну-у-у... — молодой, кажется, смутился. — Рассказывали про него тогда много... Ну и видали многие же! Как всем не верить?

— Чушь все. — Второй страж откашлялся, забулькало пиво, которое он лил из бочонка в кружку. — Ладно, расскажу, так и быть...

Послушать про дракона от того, кто, похоже, и правда его видел, было бы интересно, и в другой раз Алекса непременно осталась бы, но сейчас этот разговор, увлекший всех охранников, был как раз кстати! Голос рассказчика размеренно вещал о том, каков был с виду огромный ящер, плевавший огнем и правда пожегший предместья, о том, как и что горело, сколько народу не успело выскочить из домов, да как дракон опустился на площади перед королем. Остальные даже вопросов не задавали, кажется, замороженные, только охали да матерились в особо страшных местах повести.

Алекса кралась, примеряя шаги на повышающийся голос говорившего, а подкравшись к самой двери, исхитрилась глянуть внутрь, мгновенно снова спрятавшись за косяк. Трое стражников сидели за небольшим столом, к двери лицом был лишь один, тот самый молодой, похоже, и тот неотрывно смотрел на рассказчика, который вдохновенно вещал, размахивая руками и даже пытаясь говорить разными голосами, передавая беседу дракона и короля. Отлично! Девушка набрала полную грудь воздуха и, произнеся про себя молитву всем воровским богам стрелой метнулась мимо двери и бесшумно помчалась по коридору прочь.

Никаких криков, ни звона железа, ни звуков погони — ничего, она смогла! Выскочив на лестницу, Алекса замерла

на секунду и решительно засемила вниз. Вот где ее точно не станут сейчас искать!

Глава 32. На виду

Принц Валенс метался по малому залу, взбешенный, как голодный леопард. Этих зверюг привозили с Юга, они и сытые-то были не ласковы, не приручались, а в голодном раже могли и на решетку броситься, чтобы достать когтями слугителей зверинца.

Девка и правда сбежала! Нет, клином свет на ней не сошелся, Его Высочество мог бы найти и другого воришку, благо жулья в столице хватало. Но тут, как говорится, принцу попала шлея под мантию. Эта девка не побоялась пробраться в замок, одна, судя по всему. Одна из кухарок, когда на кухню прибежали искать беглую, вдруг разрыдалась, видать, от страха. Ее схватили тут же, и даже грозить не пришлось, сама все выболтала. И про то, как горничная встретила такую приятную девушку на рынке, как говорила с ней, как привела во дворец. Прихватили в служебных комнатах главную кастеляншу, и та подтвердила, что в служанки воровка попросилась из кухонных девок. Рассказала, что, мол, все умеет и знает, да и постели стелила ловко, и одежду чистила споро. Кто ж знал, что так все обернется...

Девка была одна. Служанки во все времена были глаза-сты, к новеньким всегда присматривались, и сейчас все подтверждали — воровка никого тут не знала. Ловкая и веселая, она легко знакомилась и заводила разговоры, смеялась,

шутила, помогала, была приветливой и легкой. И всем нравилась, разве что кроме нескольких служанок постарше, чья молодость давно миновала, как и красота, если и была. Ревность невзрачной зрелости к цветущей юности — дело обычное. Но останься тут Алекса на более долгий срок, и к их сердцам наверняка подобрала бы ключи. Старшая кастелянша знала таких и не сомневалась, что никакого раздора на служебную половину дворца она бы не принесла. Но вот как все вышло...

Поиски в коридорах и залах, в спальнях и закоулках дворца ничего не дали, как и поиски вокруг, по улицам. И когда один из стражников, старший в той смене, что дежурила сегодня, охраняя Его Высочество и всех его гостей, пришел об этом доложить, принц Валенс уже готов был метать не громы и молнии, а хлесткие и тяжелые удары плетью и палкой.

— Ваше Высочество. — Лейтенант стражи даже на колени опустился, склонив голову, униженный и готовый принять наказание за своих людей. — Она как в воду канула...

— Бездельники, свиньи! Только жрать и пить горазды, да юбки задирать всем девкам подряд! Воровка и та от вас удрать смогла, что будет, когда во дворец убийцы заявятся?!

— Покои Вашего Высочества охраняются...

— Вижу я, как они охраняются, твари!

Валенс топнул ногой. Больше всего ему и правда хотелось схватиться за плетень и исхлестать по плечам и спине этого барана, а потом снести мечом голову тупую, от злости тело

дрожало, требовало движения, грубости и причинения боли виноватым. Только сделать это было невозможно, даже с принца спросили бы за такой произвол, и ярость вскипала все сильнее, ища выход.

— Ваше Высочество...

— Заткнись!

Принц вдруг замер. Мелькнувшая идея была настолько проста, что он не мог поверить, что никто не попробовал... или все-таки догадались?

— На псарню посылали?

Стражник поднял голову.

— На псарню, Ваше Высочество?..

— Да, бестолочь никчемная, на псарню! У меня с десятков лучших ищеек в столице, что, никто не додумался искать эту девку с собаками?

Пока лейтенант поднимался с колена, от двери кто-то из слуг уже метнулся в сторону конюшен и псарни...

Переполох все же начался. Стоя у сырой стены на этаже нижних казематов, Алекса слушала, подняв голову, как по каменным ступеням затопали сапоги, когда сверху раздался внезапный крик:

— Сбежала!

Охрана кинулась по коридору, до дальней камеры, а потом по ступеням вверх, к выходу из подземелья. Она снова оказалась права, боги! Этим дурням не пришло в голову пробе-

жаться сюда, вниз, они искали ее, как мышь, которая всегда метнется вверх, только открой ей проход мимо кошки. Все глупые мышки, курочки и девицы делают именно так, но не она! И теперь она взбежала по ступенькам вверх, зная, что стражники не оглянутся, им и в голову не придет искать ее за своей спиной!

Будь там, где никто не ждет — вот золотое правило любого вора или грабителя. Одному — чтобы напасть, другому — чтобы скрыться. И она побежала узкими проходами и коридорами, стремительно, несмотря на боль в ребрах, покрытых уже, наверное, синяками, и в ногах, по которым оттоптались эти буйволы. Вперед, вперед и вверх, но не под самую крышу, пока нет. Это чуть позже, а пока... Пока ее ждет спальня Его Высочества, куда сейчас никто не пойдет, ведь кто вообще подумает, что она осталась во дворце, раз смогла выбраться?

Глава 33. Попалась!

Тяжелые портьеры закрывали высокие окна — красота и практичность, так сквозняки не могли пробраться в спальню принца. Но еще за этими портьерами, плотными и выкрашенными самой дорогой краской индиго, было легче легкого спрятаться. И Алекса кралась к огромной постели, все ближе и ближе, останавливаясь и прислушиваясь к звукам далекой беготни по коридорам — не несет ли кого нелегкая?

Но нет, здесь стояла тишина, и она снова шагала осторожно и легко, пока не остановилась у самого изголовья постели. Не так уж много мест в покоях, где можно было бы спрятать драгоценности или золото, а в том, что принц держит их под рукой — кроме тех, что лежат в запертой сокровищнице, — Алекса и не сомневалась. Это должно быть почти на виду или запрятано совсем в неудобный угол, но на такое особы королевской крови обычно не идут: не им корячиться, доставая собственное богатство! А значит, это было совсем рядом. Спальня — самое то место. Доступ сюда позволен немногим, про охрану можно сказать то же самое, но тут разве что посмеяться, какая уж охрана...

Костяшки пальцев тихонько постукивали по деревянным панелям за изголовьем кровати. Отодвинув гобелен, девушка быстро обследовала стену, пока та вдруг не отозвалась гулко. Есть!

Как Алекса и думала, в выемке в стене лежали мешочки с монетами из обычной кожи, и другие, из кожи крепче и куда плотнее, но маленькие. Ненадежна бывает судьба королевских особ, понадобится может и бежать вдруг и с кем-то расплатиться или подкупить, и не всякому заплатишь золотом, иногда не наберешь столько. Значит, тут должны были быть и камни. И не перстни, потому что иному такой королевский подарок не в честь, а лишь в тягость, поди обрати его в деньги! Алекса развязала маленький мешочек и встряхнула на ладонь два крупных рубина и пару прозрачных, как слеза, алмазов. Этого точно хватит!

Она быстро заглянула в тайник. Таких мешочков было не так уж много, но, боги, какое богатство они хранили! Впрочем, она сюда шла, чтобы спасти брата, четыре камня спрятать легко, а если наберет таких вот малышей много, так и не уследить за ними всеми. Нет, жадность — дурное дело, и Алекса задвинула панель и поправила гобелен, оставляя все остальное на месте, а рубины и алмазы пряча прямо в мешочке в свой широкий пояс.

Ну, а теперь навверх! Будь там, где не станут искать, так? Чем дольше она в замке, тем меньше вероятность, что ее станут разыскивать здесь. Там, навверху, почти под крышей, она сможет укрыться до утра, а когда слуги отправятся по делам в город, тогда и ускользнет. Да, и отправится к этим сволочам, что Тая обманули, и бросит им в морды камушки, и заберет контракт, и сожжет в пепел...

Лучшая ищейка Его Высочества, невысокая, с длинной мордой, умными и злыми глазами, белая с палевыми подпалинами, долго обнюхивала камеру, обрывок юбки и лежащий на полу замок, а потом зарычала.

— Давай, моя красавица. — Валенс понукал псину, которая и так уже загорелась охотничьим азартом. — Искать! Искать!

Охрана, сопровождавшая принца, замешкалась в проходе, когда собака потянула Его Высочество сначала вниз.

— Не иначе нюх потеряла... — шепнул один из стражников почти неслышно.

Но псина, покрутившись на ступенях, решительно помчалась наверх. Принц припустил за ней. Поход оказался страшен, беглянка сначала петляла по узким коридорам нижней части замка, и все были уверены, что ищейка сейчас помчится к одному из дворцовых выходов, и станет ясно, кто упустил воровку. Но собака пометалась внизу и так же решительно потянула наверх, мимо залов и спален, в крыло Его Высочества. У принца похолодело сердце. Вдруг это и не воровка вовсе была, а подосланная убийца, может, он сам это напороочил, и теперь любой кубок, любой кусок мяса или даже простыни в его постели могут быть отравлены?

Но в спальне кровать выглядела нетронутой — кроме нескольких капель на подушке, но кто их увидит? — и собака завертелась у изголовья, взвыла и метнулась к выходу.

— Ваше Высочество... она след потеряла!

Капитан стражи проговорил это несмело, и Валенс только отмахнулся, своим псам он верил больше, чем солдатам, и... оказался прав.

Ищейка тянула сворку все увереннее, она бежала по ступеням все выше и выше, под самую крышу, и Валенс вскрикнул победно, когда она вдруг рванула вперед. Он отпустил ремень, и через секунду все услышали женский визг и рычание собаки.

— Не тронь!

Принц осек собаку, и та, все еще низко, утробно рыча, отступила на пару шагов, открывая глазам всех присутствующих девицу, забившуюся к самой стене.

— Ну... — Принц рассмеялся и выпрямился, вздернув подбородок. — Нашлась, беглянка. Взять!

Глава 34. Допрос

Сколько ни отпустят боги Алексе лет, она навсегда запомнит этот вечер и этот разговор с принцем Бракеланда. Разговор, который изменил ее судьбу.

Брошенная на пол под ноги Его Высочеству, она уже готова была попрощаться с жизнью. Даже у таких, как она, — отчаянных, смелых, бесстрашных, — иногда опускаются руки, иногда и они вспоминают, что бессмертия им не дано, и не стоит рядом божественный покровитель и защитник, чтобы вывести из любой западни. Алекса понимала это и давно не верила ни в каких помощников, потому сейчас была почти уверена — ее казнят. Сейчас принц наиграется с ней, как кошка с пойманной мышью, и отправит на смерть, которая вряд ли будет легкой. Знатные особы терпеть не могут, когда их обманывают, да еще и заставляют бегать за собой.

Но даже сейчас она думала больше не о себе, а о брате. Тайлера некому спасти, магический контракт не даст ему ни сбежать, ни отказаться. Он, быть может, даже не узнает о том, что с ней случилось. Но куда хуже, что может и узнать, если Его Высочество решит устроить показательную казнь. Тогда и для него это будет, скорее всего, последний день. Ведь Тай не станет стоять и смотреть, как ее вешают. Он бросится спасать сестру — и погибнет вместе с ней. И за это Алекса винила себя отчаяннее всего. «Самонадеянность и

гордыня — вот, что губит таких, как вы», — говорил им когда-то Томас, и был прав...

Но все это было сейчас неважно. Гордыня-то была, обида, злоба или глупость — расплата будет одна и та же.

В небольшой зале, куда принц приказал приволочь воровку, горел камин, у ног Его Высочества лежала та самая ищейка, что выследила паршивку. И принц наслаждался мигом триумфа. Нет, не сравнить, конечно, ни с какой битвой или интригой, но он снова оказался умнее всех. Отыскал ее сам, хотя охотилась за ней вся охрана дворца и все слуги. Это странным образом грело душу и подкармливало самолюбие Валенса, хоть он никогда в этом не признался бы никому на свете. Ведь одержать победу над этой девицей это вовсе не достижение. Какая-нибудь крестьянка разве может сравниться умом с принцем Уфласским? Но все равно, грело.

Он закинул ногу на ногу, цыкнув на собаку, дернувшуюся было ближе к девке, и улыбнулся. Его узкое лицо как будто треснуло такой же узкой улыбкой, похожей на оскал хищного зверя.

— Что скажешь, девица? Назови свое имя.

Она приподняла голову, глядя гордо и прямо, на что принц только скривил губы.

— Алекса.

— Обращаться к принцу «Ваше Высочество», тварь!

Стражник, стоящий позади нее, пнул девушку в бедро носком сапога.

— Тихо, тихо. — Валенс поднял руку небрежно, почти лениво. — Видно, она совсем дура. Ты совсем дура, воровка, раз злишь меня?

Алекса только дернула подбородком.

— Какая разница, меня ведь все равно казнят. Ваше Высочество.

— Хм, а может, и не совсем дура...

Валенс в раздумье оглядел порванный рукав и подол, из которой был вырван лоскут ткани.

— Почему пряталась в замке, почему не бежала?

Теперь улыбнулась девушка, и эта улыбка была такой же хищной, как у самого принца, даром, что она сидела на полу перед ним.

— Потому что здесь не искали.

— Могла уйти вечером, когда поиски на улицах остановили. Почему не ушла?

Алекса промолчала, на мгновение отведя взгляд. Его Высочество расхохотался.

— О, да ты не успела ничего прихватить, потому и осталась, верно? Что нашла, покажи, с чем хотела сбежать завтра?

Стражник снова пнул ее ногой, но не вырвал ни звука. Алекса упрямо промолчала, мотнув головой, словно отрицая слова принца. Тот сощурился.

— Неужели ничего не нашла? Ты разочаровываешь меня. Повисло молчание, которое нарушало только сопение со-

баки и треск поленьев в огне. Валенс рассматривал девчонку все более внимательно. Она не боялась. То есть, наверняка, смерть совсем не радовала ее, но страх был не настолько силен, чтобы унижаться. Забавно, гордая простолюдинка. Забавно.

Алекса молчала.

— Отдашь — сохраню жизнь. Правда, может, ты еще пожалеешь об этом, но вот тебе мое слово.

Она вскинула на Валенса пристальный взгляд. Она останется жива? А ведь все поправимо, кроме смерти! Если ее не повесят сегодня или завтра на площади, будет шанс вернуться как-нибудь и спасти брата!

— Ваше слово, Ваше Высочество?

— Тебе надо, чтобы я повторил? — Принц надменно прищурился.

— Нет.

Алекса приподнялась на колени и сунула пальцы в потайной кармашек на поясе. Камни ярко блеснули в отсветах пламени. Принц вздернул брови.

— Ничего себе у тебя аппетиты, нищebroдка! Хотела обогатиться на всю свою жалкую жизнь? На что тебе такие деньги?

«Если не знаешь, что говорить, говори правду, — гулкий голос Томаса в голове у Алексы хохотнул. — Быть может, от неожиданности и сработает».

— Не мне, а Вам, Ваше Высочество.

— Что?

Изумление на лице принца было таким откровенным, что, несмотря на отчаянное положение, Алекса чуть не рассмеялась. Он так забавно выглядел сейчас, только что такой надменный и вальяжный, а теперь обескураженный ее словами.

— Эти деньги были для Вас, Ваше Высочество, — повторила она почти с вызовом. — Я пришла украсть их, чтобы выкупить брата из моряков, а все они служат Вам, принц Валенс.

Его Высочество вдруг откинулся на спинку кресла и устался на Алексу. Пальцы забарабанили по деревянному подлокотнику, украшенному причудливой резьбой. Взгляд у него стал задумчивым, потом острым и внимательным.

— Ты решила обокрасть принца, чтобы его деньгами выкупить брата из армии? Отвечай.

— Мне не трудно повторить, Ваше Высочество. Да это так.

— Он, стало быть, подписал контракт. И держат его королевские рекрутеры.

— Именно так, Ваше Высочество.

Стража и пара слуг, допущенных в залу, не поняли, почему принц вдруг подался вперед и махнул рукой.

— Выйти всем. Ждать за дверью.

— Ваше Высочество... — охранник осмелился возразить, хоть и тут же замялся под взглядом принца. — Не опасно ли?..

— Ты думаешь, я боюсь этой побирuшки? Идиот... Пошли вон, я сказал!

Глава 35. Назад дороги нет

Когда зала опустела, Валенс поднялся, растер руки и прошел к камину и обратно, остановившись в трех шагах от Алексы и глядя сверху вниз. Это был подарок судьбы. Принц так и знал, что боги на его стороне и помогут в задуманном нелегком деле. Браслет из когтей Кулвиратт, знаменитый талисман, который так сейчас был нужен и королю, и самому принцу! Чтобы добыть его из сокровищницы дракона нужен был вор отчаянный и умелый. Таких в столице водилось немало, можно было найти и кого поопытнее этой девчонки. Но замок дракона — это даже не королевский дворец. Магия в том месте жива, и надо быть храбрым до отчаяния, чтобы соваться ящери в пасть. Эта девка, рискнувшая ради брата залезть в сокровищницу принца, не побоится и дракона, по ней то видно. И еще — она не убежит с талисманом, чтобы продать его за многие сотни золотых, отдать в руки не принца, а, может, самого короля или любого другого вельможи, тому, кто даст больше. Эта красотка будет стараться не за золото. В его, принца, руках контракт на службу ее брата, он отдаст его только в обмен на браслет, а значит — точно получит браслет сам. Отлично!

Все еще глядя на нее, Валенс потер ладони, как будто немного мерз, хотя его сжигало пламя нетерпения. И улыбнулся.

— Магический контракт на службу, так? Ты рискнула жизнью ради его выкупа. Так сильно любишь брата?

Алекса молчала, крепко сжав зубы. Согласиться с этими словами — выдать свою слабость. Но принцу и так о том уже известно.

— Можешь молчать, ты уже все сказала, — Валенс рассмехался. — Я отдам тебе его контракт, расторгну его...

Алекса не сдержала короткого и глубокого вздоха. Отдаст?

— Не задаром, конечно, и не за свои же камни.

Он наклонился ниже и медленно произнес:

— Отправишься в Ларидж и привезешь мне оттуда одну вещь. Получишь в награду расторгнутый контракт и своего братца в целости и сохранности. Попытаешься схитрить — отправлю его в самое пекло, где он и трех дней не протянет, если, конечно, не попадет в плен, где умирать будет долго и мучительно. Поняла меня?

— Да.

— Поедешь в Ларидж?

Алекса посмотрела ему в глаза и кивнула.

Дорога от Камаргара до Лариджа была не такой уж долгой, но разбойничали возле столицы много. Потому Его Высочество расщедрился на охрану для Алексы, отправив с ней двух своих гвардейцев для сопровождения. Дорогой оба парня молчали, переговариваясь только меж собой, да так тихо,

что девушка, ехавшая чуть впереди, не могла разобрать ни слова. Не больно-то и хотелось. Ей было о чем подумать.

Поначалу название замка ей ничего не сказало. Какая-то вещь, должно быть, волшебная, хранящаяся у какого-то знатного сеньора, ей надо достать вещицу и унести оттуда поскорее ноги, только и всего. Но спустившись во двор на следующее утро, уже снаряженная в дорогу, она услышала, как назначенные ей в спутники стражники переговариваются с приятелями.

— Его-то увидите самого?

— Да боги храните! До ближайшей деревни и обратно, там дальше пусть сама...

— Труса празднуешь? — Кто-то рассмеялся.

Гвардеец мрачно хмыкнул.

— Перед драконом спразднуешь...

Алекса вспомнила имя. И у нее ослабли колени.

О Роберте из Лариджа ходило много побасенок. История про смерть драконовой жены была известна всему королевству, но и других было много. Во времена правления деда нынешнего короля Роберт, азартный, как все драконы, поспорил с проезжим магом (с ними драконы разговаривали охотнее, чем с обычными людьми) и отправился один на целое войско северян, от которых само собой остались только холмики пепла, как до сих пор говорили в народе. А когда на троне сидел дед деда Леокара, границы Бракеланда накрыла тень крыльев другого дракона. Легенды гласили, что тот

дракон был с острова, который поглотило вскипевшее море. Он искал нового пристанища, а Роберт своего уступать во все не собирался. В старых песнях рассказывалось о битве в небесах, случившейся у самой границы страны.

Они встретились в полдень, и солнце ярко сияло на драконьей чешуе — сине-зеленой у прищельца и черной с алым у Роберта. Как два огромных барса, они бросились друг на друга, и в небе покотился клубок переплетенных тел и хвостов. Струи огня летели залпами в морды и грудь, когти рвали драконью броню. Видевшие бой клялись, что, как выдранная кошачья шерсть, рассыпалась чешуя, острая, как бритва, а пущенная когтями кровь долетала до земли раскаленной, что лава вулкана, прожигая землю, подпаливая деревья. От рева драконов дрожала сама земля, а огонь, долетавший с небес, задел пару деревень, и те вспыхнули пожарищем.

Наконец, ящеры сцепились в самой вышине, мелкая тенью на ярком солнце, и черный с алым дракон с размаху впился сине-зеленому в основание крыла. Синий не отпускал его, вцепившись когтями в бок, и оба так и рухнули на землю, но Роберт оказался сильнее и успел вывернуться и вдавить соперника мордой в землю. Трава обугливалась от драконьей крови, жар отпугнул все лесное зверье, кровь была не только кипящей, но и ядовитой, и те немногие смельчаки, что не удрали с ближайшего холма, откуда смотрели на битву, клялись, что видели, как на сине-зеленой и черной чешуе проступали язвы, как плавилась драконья шкура от крови. Но

веры им особой нет. Драконьим сражением все были напуганы до смерти. Вот тогда-то прилетевший дракон и сдался. Оба перекинулись снова людьми. Ран у Роберта хватало, как и у пришлого, но все же тот был изранен куда более тяжело.

Никто не знает, что случилось с прилетевшим драконом. Он убрел в чащу леса, скрывшись за обгоревшей поляной-проплешиной, которую они выжгли с Робертом. Поговаривали, что он так и сдох в чащобе, от ран, не выбравшись к какой-нибудь деревне, где мог попросить помощи. А может, и выбрался, но кто бы рискнул помогать врагу своего дракона? Кто знает этих драконов, может, за это одно гнев Роберта обрушился бы на Бракеланд? Никто рисковать бы не стал. А возможно, второй дракон и выбрался где-то далеко, и вылечился от ран, прирастил обратно почти оторванную руку-крыло, да улетел искать себе пристанища дальше. Мало кого это интересовало. Роберт отпраздновал победу, и о том сложили много славных песен.

И вот теперь Алекса ехала со стражниками напрямик в логово этого чудовища, чтобы... обокрасть его. Вся эта затея, казавшаяся такой отличной в замке принца Валенса — еще бы, спасение брата и награда! — сейчас мнилась ей чуть ли не безумием. Но, как правильно рассчитал Его Высочество, бежать девушке было некуда. Она не бросит брата — и точка. А значит — только вперед, и плевать, что едет она в пасть дракону.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.